А. М. ГУЛЯЕВЪ.

КРЕСТЬЯНСКІЙ ДВОРЪ.

Изъ Журнала Министерства Юстиціи
(Апрѣль 1899 г.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.
1899.

А. М. ГУЛЯЕВЪ.

КРЕСТЬЯНСКІЙ ДВОРЪ.

Изъ Журнала Министерства Юстиціи
(Апрѣль 1899 г.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.
1899.

Печатано съ разрѣшенія Министра Юстиціи.

КРЕСТЬЯНСКІЙ ДВОРЪ.

„Основа крестьянскаго быта—домохозяйство, гдѣ элементы личные и имущественные вылились въ своеобразную форму русской крестьянской семьи; однако такая основа, при отсутствіи регулирующихъ началъ, даетъ часто лишь поводъ къ семейнымъ раздорамъ, распаденію семьи и упадку благосостоянія. Неясность правъ на пріобрѣтенное членомъ крестьянскаго двора имущество, обязанностей по отношенію къ домохозяину—ослабляетъ энергію и производительность труда".

(Изъ Всеподданнѣйшаго доклада Министра Финансовъ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1899 годъ).

А. М. Гуляева.

Уничтоженіе крѣпостной зависимости крестьянъ создало новую категорію субъектовъ права, категорію своеобразную по своей организаціи, своеобразную по занимаемому ею въ экономіи государства положенію, своеобразную въ осуществленіи предоставленныхъ ей гражданскихъ правъ. Особенности юридическаго положенія крестьянъ намѣчены были освободительными актами—общимъ положеніемъ о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, мѣстными положеніями и положеніемъ о выкупѣ. Но и въ новыхъ законодательныхъ актахъ относительно крестьянъ наблюдается то же самое явленіе, какое не трудно замѣтить во всемъ нашемъ законодательствѣ: нормы, въ осуществленіи которыхъ ближайшимъ образомъ заинтересовано государство, разра-

ботаны несравненно полнѣе, чѣмъ нормы, касающіяся частныхъ интересовъ обывателей; специфически—крестьянское частное право оказывается въ законѣ совсѣмъ не разработаннымъ. Существенное для крестьянъ право, занимающее центральное положеніе въ частноправной сферѣ крестьянства,—право на землю—затронуто въ законѣ какъ-бы вскользь. Грандіозная реформа Императора Александра II не могла задерживаться разработкой вопросовъ, имѣвшихъ въ сравненіи съ основною идеей реформы детальное значеніе. Но уже слѣдующему поколѣнію стало ясно, что освобожденное крестьянство, въ отношеніи его частныхъ правъ, оставлено безъ руководительныхъ началъ закона. Въ эпоху освобожденія крестьянъ возлагались преувеличенныя надежды на волостные суды: вчерашній рабъ, предполагалось почему-то, долженъ жить по своимъ юридическимъ обычаямъ, и доктринерамъ казалось и, къ сожалѣнію, кажется, что въ крестьянской средѣ существуютъ нормы обычнаго права, способныя замѣнить или сдѣлать излишними нормы положительнаго писаннаго закона. Неразработанность частнаго права крестьянъ въ законѣ обнаружилась въ судебной практикѣ, и Гражданскому Кассаціонному Департаменту Правительствующаго Сената пришлось творить нормы, опредѣляющія отношеніе крестьянъ къ надѣламъ. Дѣятельность Сената въ этомъ случаѣ оказалась творческою, не конкурирующею съ закономъ,—потому что его нѣтъ, а восполняющею тѣ пробѣлы въ общемъ законѣ о крестьянахъ, которые настойчиво заявляли о своемъ существованіи и устраненіе которыхъ является дѣломъ крайней необходимости. Опираясь на какъ-бы вскользь высказанныя положенія закона, Сенатъ успѣлъ создать теорію крестьянскаго землевладѣнія, которою съ большою готовностью пользуются судебныя мѣста и которая очевидно соотвѣтствуетъ требованіямъ жизни съ точки зрѣнія правительства, если учрежденная при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ коммисія для пересмотра законодательства о крестьянахъ нашла возможнымъ предложить на заключеніе губернскихъ совѣщаній нѣкоторые вопросы о крестьянскомъ землепользованіи, однообразно и послѣдовательно разрѣшаемые Се-

натомъ [1]). Рѣшенія Сената даютъ зачатки теоріи, въ подробностяхъ не разработанной, что̀ и понятно, потому что Сенатъ высказывался по поводу того или иного вопроса ad hoc. Разрозненныя положенія Сената небезъинтересно привести въ систему, произвести такъ сказать кодификацію этихъ положеній, восполнить эти положенія соотвѣтственно ихъ юридической конструкціи. Теорія Сената оказалась жизнеспособною. Теорія создана не на основаніи закона, а, такъ сказать, лишь пристегнута къ нему. Гдѣ же искать ея источникъ?

Въ относящихся сюда рѣшеніяхъ Сената нерѣдко можно встрѣтить положенія, съ точки зрѣнія юриспруденціи, проникнутой романистическимъ ученіемъ, ошибочныя, напр., характеристику крестьянскаго двора какъ юридическаго лица [2]). Но, конечно, не только тѣ явленія имѣютъ право на существованіе и признаніе, которыя могутъ быть оправданы съ точки зрѣнія романистической доктрины, хотя, съ другой стороны, оперируя съ теоретическими понятіями, необходимо считаться съ происхожденіемъ этихъ понятій, съ общепризнанною ихъ конструкціей, для того чтобы въ детальныхъ выводахъ изъ основнаго понятія, при примѣненіи его къ конкретнымъ казусамъ, не впасть въ противорѣчіе съ содержаніемъ теоретическаго положенія.

Кардинальнымъ вопросомъ въ области крестьянскаго права является вопросъ о томъ, кому принадлежитъ надѣлъ по праву? Въ разрѣшеніи этого вопроса заинтересованы, хотя и не въ одинаковой мѣрѣ, и казна, и крестьянское общество, и отдѣльные крестьяне. Казна непосредственнаго интереса въ вопросѣ о томъ, за кѣмъ состоитъ данный надѣлъ, не имѣетъ, такъ какъ субъектомъ, обложеннымъ денежными

---

[1]) Сводъ заключеній губернскихъ совѣщаній по вопросамъ, относящимся къ пересмотру законодательства о крестьянахъ, т. III: 1) землепользованіе, 2) нотаріальная часть въ селеніяхъ. Спб. 1897 г. Къ сожалѣнію, и въ этомъ сводѣ вопросамъ частнаго крестьянскаго права отведено значительно меньше мѣста, чѣмъ вопросамъ объ организаціи крестьянства.

[2]) Рѣш. Общ. Собр. 1892 г., № 42 п. 2.

платежами [1]), является крестьянское общество [2]). Но платежная сила крестьянскаго общества слагается изъ силъ отдѣльныхъ домохозяевъ, и въ настоящее время, за отмѣною подушной подати, налоги уплачиваются съ земли, какъ равнымъ образомъ размѣромъ земельнаго надѣла опредѣляется и размѣръ выкупныхъ платежей, вносимыхъ обществомъ или отдѣльными крестьянами. Ближе заинтересовано въ распредѣленіи надѣльной земли между отдѣльными крестьянами сельское общество, такъ какъ оно несетъ отвѣтственность за исправный взносъ платежей, причитающихся съ общества; но въ виду того, что разверстка въ сельскомъ обществѣ казенныхъ и земскихъ повинностей, денежныхъ и натуральныхъ между крестьянами дѣлается міромъ (ст. 169 общ. пол.), что само же общество опредѣляетъ порядокъ сбора (ст. 171 общ. пол.), что каждое сельское общество отвѣчаетъ, круговою порукою, за каждаго изъ своихъ членовъ въ исправномъ отбываніи казенныхъ, земскихъ и мірскихъ повинностей (ст. 187 ibid.),—крестьянское общество, въ интересахъ равномѣрнаго распредѣленія платежей между своими членами, поставлено въ необходимость считаться съ платежною силою каждаго изъ членовъ, а такъ какъ платежная сила крестьянина опредѣляется его надѣломъ, то крайнею мѣрою побужденія къ исправному отбыванію платежей является даже отобраніе у недоимщика части отведенныхъ ему полевыхъ угодій или даже всего его полеваго надѣла (п. 6 ст. 188 ibid.), что̀ въ свою очередь ставитъ для общества задачу, кому же отдать надѣлъ недоимщика?

Не можетъ идти въ сравненіе съ заинтересованностью казны и общества крестьянъ въ распредѣленіи надѣловъ заинтересованность въ разрѣшеніи этого вопроса отдѣльныхъ крестьянъ. Для крестьянина надѣльная земля въ большинствѣ случаевъ представляетъ единственный фондъ, обезпечивающій его существованіе и существованіе его семьи [3]). Понятна

---

[1]) Казенныя и земскія денежныя повинности исчислены въ ст. 164 общ. пол.

[2]) Ст. 168 общ. пол.; ср. ст. 127 пол. о вык.

[3]) Ст. 6 п. 1 общ. пол.: „надѣлъ, предоставляемый крестьянамъ въ постоян-

потому та страстная цѣпкость, съ которою крестьянинъ держится за землю, готовность отбывать всякія повинности, лишь бы земля оставалась за нимъ, понятны безконечныя и однообразныя дѣла, заводимыя крестьянами во всѣхъ возможныхъ присутственныхъ мѣстахъ, вызываемыя побужденіемъ не только сохранить то, что̀ есть, но и распространить свою власть всякими правдами и неправдами и на чужой надѣлъ. И вотъ, для разрѣшенія этихъ притязаній необходимымъ является опредѣлить характеръ права крестьянина на надѣльную землю, выяснить, кто является субъектомъ этого права, и если законъ не даетъ отвѣта на эти вопросы, уяснить основы конструкціи этого своеобразнаго, ненормируемаго закономъ, крестьянскаго права въ рѣшеніяхъ Правительствующаго Сената, опредѣлить происхожденіе проводимой Сенатомъ теоріи, дать критическую оцѣнку ея, создать, на основаніи такого предшествующаго изслѣдованія, систему правилъ, опредѣляющихъ право даннаго крестьянина на надѣльную землю въ конкретномъ случаѣ.

Два типа владѣнія надѣльною землею намѣчены общимъ положеніемъ—общинное и участковое или подворное (наслѣдственное) (ст. 187 общ. пол.). Законъ именуетъ отношеніе крестьянина къ надѣлу правомъ постояннаго пользованія (общ. пол. ст.ст. 3, 8, 14, 187). Оставляя въ сторонѣ вопросъ объ общинномъ крестьянскомъ землевладѣніи, вопросъ, имѣющій свою литературу, мы остановимся главнымъ образомъ на выясненіи вопросовъ, касающихся втораго типа крестьянскаго землевладѣнія—участковаго, подворнаго (наслѣдственнаго) владѣнія. Впрочемъ противоположность между обоими типами землевладѣнія сводится лишь къ тому, что при общинномъ владѣніи возможны передѣлы земли между крестьянами чрезъ опредѣленные періоды времени, тогда какъ при подворномъ—распредѣленные между крестьянами участки навсегда (наслѣдственно) остаются объектомъ обладанія первоначальныхъ пріобрѣтателей и ихъ правопреемниковъ; въ пер-

---

ное пользованіе, для обезпеченія ихъ быта и исправнаго отправленія ими государственныхъ повинностей"...

вомъ случаѣ субъектъ имѣетъ право на предоставленіе себѣ извѣстнаго количества земли изъ общиннаго надѣла, онъ имѣетъ такъ сказать jus ad rem,—во второмъ случаѣ ему принадлежитъ право на индивидуально опредѣленный участокъ, и субъектъ имѣетъ jus in rem; но въ промежутокъ времени между двумя передѣлами отношеніе общинника къ предоставленному ему участку юридически не отличается отъ отношенія подворнаго владѣльца къ его землѣ. Этимъ и оправдывается возможность постановки вопроса для обоихъ типовъ землевладѣнія, о томъ, кто является субъектомъ права на надѣлъ. Какъ при общинномъ, такъ и при подворномъ владѣніи усадебная осѣдлость находится въ постоянномъ обладаніи одного и того же субъекта [1]); полевыя же земли при общинномъ владѣніи подлежатъ передѣламъ. При подворномъ владѣніи, кто владѣетъ усадьбой, тому принадлежитъ и полевой надѣлъ, потому что весь надѣлъ, слагающійся изъ усадьбы и полевыхъ угодій, состоитъ въ постоянномъ наслѣдственномъ обладаніи, и полевой надѣлъ, съ экономической точки зрѣнія являющійся principale, съ точки зрѣнія юридической представляется accessorium. При общинномъ владѣніи обладаніе усадьбой опредѣляетъ права даннаго субъекта не на индивидуальный участокъ, а только на участіе въ пользованіи надѣльною мірскою землей.

Владѣніе надѣльною землей установлено только для крестьянъ, и владѣніе надѣльною землей даннаго крестьянскаго общества доступно только тѣмъ крестьянамъ, которые входятъ въ составъ членовъ даннаго крестьянскаго общества [2]). Отсюда слѣдуетъ: а) не-крестьянинъ не можетъ быть субъектомъ права на надѣлъ [3]), и б) крестьянинъ, не принадлежащій къ данному крестьянскому обществу, не можетъ владѣть надѣломъ, входящимъ въ составъ земель даннаго общества. Но доступъ въ крестьяне открытъ только для лицъ податныхъ состояній, и притомъ

---

[1]) Общ. пол. ст. 31; пол. о вык. ст. 8; пол. Великор. ст. 110; пол. Малор. ст. 151; пол. Юго-Зап. края ст. 87; пол. Сѣв.-Зап., ст. 81.

[2]) Общ. пол. ст. 3, 4, 6; пол. Великор. ст. 98; пол. Малор. ст. 5; пол. губ. Кіевск., Под., Вол., ст. 3, 76; пол. губ. Гродн., Вил., Ков., ст. 7.

[3]) Рѣш. Общ. Собр., 1894 г., № 11.

такимъ образомъ, что крестьянство не есть абсолютное состояніе, а предполагаетъ принадлежность лица къ составу членовъ извѣстнаго крестьянскаго общества: нельзя быть крестьяниномъ вообще, а можно быть только крестьяниномъ того или иного общества. Поэтому доступъ въ крестьяне, а слѣдовательно и доступъ къ надѣлу, возможенъ только чрезъ принятіе желающаго вступить въ общество, для чего необходимъ пріемный приговоръ общества [1]). Вступленіе въ крестьянское общество не-крестьянъ представляется на практикѣ сравнительно болѣе рѣдкимъ явленіемъ, чѣмъ выходъ изъ крестьянскаго общества лицъ, пріобрѣтающихъ права высшихъ состояній. Какъ при вступленіи, такъ и при увольненіи изъ общества возникаетъ вопросъ о надѣлѣ. Вступающій въ общество новый членъ очевидно заранѣе позаботится о пріобрѣтеніи надѣла и въ пріемномъ приговорѣ получитъ лишь санкцію тѣхъ мотивовъ, которые побудили его ходатайствовать о приговорѣ, потому что едва-ли общество станетъ стѣснять своихъ членовъ на счетъ выгодъ чужака; а мотивами ко вступленію въ общество будутъ или пріобрѣтеніе надѣла, уступленнаго прежнимъ владѣльцемъ, или переходъ въ семью жены.

Указаніе въ законѣ круга лицъ, имѣющихъ объективное право на надѣльныя земли, не предрѣшаетъ еще однако вопроса о томъ, кто изъ этого круга лицъ имѣетъ право на данный надѣлъ и какого рода это право?

Размѣръ надѣла опредѣлялся числомъ ревизскихъ душъ по 10 ревизіи и установленными для различныхъ мѣстностей неодинаковыми душевыми надѣлами: опредѣленный душевой надѣлъ, помноженный на число ревизскихъ душъ, и составлялъ тотъ надѣлъ, который по уставной грамотѣ предоставлялся помѣщикомъ крестьянскому обществу [2]). Означенный въ уставной грамотѣ надѣлъ уже не подлежитъ увеличенію [3]). Но уставныя грамоты составлены отъ имени помѣщика на

---

[1]) Общ. пол. ст. 141, 142, ч. 3 ст. 51. Такой приговоръ необходимъ и для крестьянъ, переходящихъ изъ другаго общества.

[2]) Примѣрное исчисленіе надѣла—въ примѣч. 1 ст. 17 Великор. пол., примѣч. 1 ст. 11 Малор. пол.; ст. 3 мѣстн. пол. Кіевск., Под., Вол. губ.

[3]) Общ. пол. ст. 8; мѣстн. пол. Кіевск., Под., Вол., ст. 11.

имя цѣлаго крестьянскаго общества [1]). Распредѣленіе предоставленной на сихъ основаніяхъ крестьянскому обществу надѣльной земли между членами общества составляло задачу самого общества. При составленіи подворныхъ описей надѣльная земля приписывалась ко двору на имя одного домохозяина, но сообразно количеству ревизскихъ душъ во дворѣ. Отсюда неравенство надѣловъ—абсолютное, при равенствѣ ихъ относительномъ. При общинномъ владѣніи относительное равенство можетъ быть возстановлено въ виду существованія передѣловъ; при подворномъ же абсолютное неравенство легко превращается и въ относительное, и лишь слабымъ коррективомъ такого положенія является то, что общество въ правѣ увеличить надѣлъ прирѣзкой изъ вакантной мірской земли. Но мірская вакантная земля не неизсякающій источникъ.

Первоначальное распредѣленіе надѣльной земли быть можетъ и соотвѣтствовало потребностямъ крестьянъ. Но со времени приведенія въ дѣйствіе положенія 19 февраля 1861 года, населеніе увеличилось, разрослись крестьянскія семьи, прежніе домохозяева, на которыхъ записана была надѣльная земля, уступили мѣсто второму и третьему поколѣнію. Съ каждымъ годомъ увеличивается число крестьянскихъ исковъ, и крестьяне, жертвуя огромныя для нихъ суммы на безплодное веденіе процессовъ, добиваются земли. Пусть иски эти безплодны, пусть они не выдерживаютъ юридической критики по своей конструкціи, въ нихъ слышится одинъ мотивъ: стало тѣсно, мало земли. На первоначальномъ нумерѣ живетъ теперь не одна семья прежняго домохозяина, а нѣсколько семей. Политическими правами пользуется одинъ только домохозяинъ, потому что только крестьяне-домохозяева составляютъ сельскій сходъ [2]). Но кто же этотъ домохозяинъ при многолюдствѣ двора и при отсутствіи того истиннаго домохозяина, за которымъ первоначально былъ записанъ надѣлъ? Если населеніе двора политическими правами не пользуется—потому

---

[1]) Правила о порядкѣ привед. въ дѣйствіе полож. о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣп. завис. Ст. 31 прилож.

[2]) Общ. пол. ст. 47. Кругъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ сельскому сходу, ст. 51. ibid.

что домохозяевъ въ обществѣ можетъ быть не больше, чѣмъ сколько существуетъ „домовъ“ или надѣльныхъ нумеровъ,— то каковы права населенія двора на надѣльную землю? Законъ не даетъ отвѣта на эти вопросы; законъ игнорируетъ семью и знаетъ только домохозяина, не опредѣляя ближайшимъ образомъ ни того, кого должно считать домохозяиномъ, ни того, въ какихъ юридическихъ отношеніяхъ стоитъ онъ ко двору. При такомъ отношеніи законодательства къ этому столь важному и настоятельно требующему своего разрѣшенія вопросу понятна необходимость однообразныхъ и послѣдовательныхъ отвѣтовъ со стороны судебной практики. Оперируя съ признаннымъ въ законѣ понятіемъ домохозяина, напоминающаго римскаго pater familias, практика Сената могла бы примѣнить римскія понятія о familia къ крестьянскому двору: за распадомъ первоначальной familia, въ виду смерти pater familias, каждый изъ сыновей его самъ становится pater familias. Но у насъ подобное явленіе немыслимо въ виду признанія со стороны закона домохозяевами не всѣхъ самостоятельныхъ членовъ общества, а лишь по одному отъ каждаго двора, и затѣмъ, съ частноправной точки зрѣнія, надѣлъ не раздробляемъ: населеніе двора связано не единствомъ какой-либо власти, а единствомъ внѣшнихъ условій сожитія въ одной усадьбѣ и принадлежащею къ усадьбѣ надѣльной полевой землей. Какъ бы многочисленно ни было населеніе двора, надѣлъ сохраняетъ свой первоначальный размѣръ, а потому представляется вопросъ, существуетъ ли надѣлъ для домохозяина или для семьи, въ которой домохозяинъ занимаетъ только первенствующее мѣсто? Основаніемъ къ такой постановкѣ вопроса является то, что хотя общее положеніе и говоритъ о домохозяинѣ, какъ субъектѣ правъ и обязанностей, но мѣстныя положенія, нормирующія отношенія между крестьянами и помѣщикомъ, упоминаютъ о крестьянскомъ семействѣ [1]), пользующемся надѣльной землей, почему и не исключена возможность конструировать принадлежность надѣла всему крестьянскому семейству или всему двору, и на мѣсто еди-

[1]) Пол. Великор. ст. 8, пол. Малор. ст. 36, пол. Кіевск., Под., Вол. губ. ст. 87.

ноличнаго субъекта публичнаго права поставить для частноправныхъ отношеній по надѣлу коллективный субъектъ. А если право на надѣлъ принадлежитъ коллективному субъекту, то спрашивается, какъ создается этотъ коллективный субъектъ, каковы тѣ правомочія, которыя принадлежатъ отдѣльнымъ лицамъ, входящимъ въ составъ коллективнаго субъекта, кому въ частности принадлежитъ право распоряженія крестьянскимъ надѣломъ? Вопросы эти назрѣли, и въ настоящее время замѣтна тенденція признавать надѣлъ не единоличнымъ достояніемъ домохозяина, а общимъ достояніемъ двора. Учрежденная при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ комиссія для пересмотра законодательства о крестьянахъ въ числѣ предложенныхъ губернскимъ совѣщаніямъ вопросовъ поставила между прочимъ слѣдующіе:

№ 59. „Желательно ли ввести въ законъ установленное уже толкованіями его правило о принадлежности подворнаго участка цѣлому двору? Если желательно, то возможно ли предоставить какое-либо участіе членамъ двора въ распоряженіи подворно-наслѣдственными участками безъ нарушенія авторитета главы семейства? Въ чемъ могло бы выразиться это участіе и кому именно въ составѣ двора слѣдовало бы его предоставить? Не представляется ли болѣе цѣлесообразнымъ и послѣ установленія въ законѣ упомянутаго правила оставить неприкосновеннымъ право домохозяина на свободное распоряженіе семейнымъ участкомъ, съ тѣмъ, однако, чтобы членамъ того же двора предоставлено было право выкупа отчуждаемаго домохозяиномъ участка? Кому именно надлежало бы въ такомъ случаѣ предоставить это право и какъ опредѣлить срокъ условія и порядокъ примѣненія права выкупа?“

Въ этихъ вопросахъ сквозитъ замѣтная тенденція признать надѣлъ достояніемъ двора, а не домохозяина, хотя въ то же время наблюдается стремленіе примирить противоположныя начала—авторитетъ главы семейства съ интересами всѣхъ членовъ двора. На первый взглядъ примиреніе этихъ двухъ началъ кажется немыслимымъ, если въ авторитетѣ главы семейства видѣть неограниченную власть, предполагающую и неограниченное подчиненіе членовъ семьи. На са-

момъ дѣлѣ эти начала не такъ непримиримы, какъ кажется. Въ римской familia, гдѣ авторитетъ отцовской власти является дѣйствительно неограниченнымъ, гдѣ подвластные члены семьи пріобрѣтаютъ что бы то ни было не для себя, а для pater familias, гдѣ въ то же время вполнѣ послѣдовательно на pater familias возлагается и отвѣтственность за подвластныхъ, тѣмъ не менѣе имущество, принадлежащее pater familias, разсматривается въ нѣкоторыхъ случаяхъ какъ достояніе всей familia: такому взгляду обязано своимъ происхожденіемъ ученіе о testamentum inofficiosum. Несмотря на строгость начала отцовской власти, римскіе юристы для объясненія нѣкоторыхъ явленій наслѣдственнаго права конструируютъ отношеніе членовъ семьи къ имуществу, состоящему въ обладаніи отца, какъ къ имуществу, принадлежащему всей семьѣ. Такъ, Гай (2, 157) говоритъ: sui quidem heredes ideo appellantur, quia domestici heredes sunt et vivo quoque parente *quodammodo domini existimantur*. Ульпіанъ проводитъ ту же мысль, говоря: largins tempus parentibus liberisque petendae bonorum possessionis tribuitur, in honorem sanguinis videlicet, quia arcitandi non erant. *qui paene ad propria bona veniunt* (l. 1 § 12. Dig., de successorio edicto, 38.9). Правда, принадлежность имущества всей семьѣ понимается не въ юридическомъ смыслѣ: подвластные только до извѣстной степени (paene, quodammodo) считаются хозяевами имущества. Взглядъ этотъ не строго юридическаго порядка, а отраженіе вульгарнаго представленія объ имуществѣ главы семьи, какъ объ имуществѣ семьи. Изъ этого взгляда, привлекаемаго ad hoc, нельзя выводить никакихъ юридическихъ послѣдствій. Но важно уже то, что ученый юристъ не гнушается приводить для обоснованія своей конструкціи ссылку на вульгарный взглядъ общества. Взглядъ этотъ, сообщаемый намъ римскими юристами по поводу ученія о sui heredes, относится къ тому времени, когда патріархальный строй былъ гораздо прочнѣе, когда для небольшой общины римскихъ гражданъ имѣли силу только одни начала juris civilis, когда слѣдовательно имущество, находившееся въ обладаніи pater familias, по своему характеру и составу имѣло сходство съ усадебною осѣдлостью и полевыми угодіями нашихъ крестьянъ. Слѣдова-

тельно, и по древне-римскимъ понятіямъ неограниченная власть домовладыки надъ имуществомъ и домочадцами не исключала представленія о нѣкоторыхъ правахъ послѣднихъ на то же имущество. Признаніе правъ членовъ двора на надѣльную землю не составляетъ отрицанія авторитета отцовской власти даже въ римской общинѣ; тѣмъ менѣе способно это признаніе повести къ уменьшенію авторитета домохозяина у насъ, потому что нашему праву вообще чуждо представленіе объ отцовской власти какъ объ институтѣ, вполнѣ поглощающемъ личность членовъ семьи.

Среди отвѣтовъ, данныхъ губернскими совѣщаніями на предложенный коммисіей М. В. Д. вопросъ 59-й, большинство склоняется въ пользу признанія надѣльной земли достояніемъ всего двора, а не одного домохозяина [1]); но нѣкоторыя губернскія совѣщанія высказались весьма рѣзко противъ предложенія внести въ законъ правило о принадлежности земли двору, мотивируя свое отрицательное отношеніе къ предложенному вопросу опасеніемъ, что „проектируемый законъ окончательно уничтожитъ и безъ того подорванную патріархальную власть родителей и превратитъ крестьянскую семью въ коммуну“ [2]). Но эти страшныя слова и рисуемыя ими перспективы едва-ли могутъ имѣть серьезное значеніе. Трудно думать, что въ губерніяхъ Бессарабской, Полтавской, Тамбовской и Херсонской поврежденіе нравовъ среди крестьянъ достигло такихъ размѣровъ, что достаточно признанія въ законѣ принадлежности надѣла двору и дворъ превратится въ коммуну,—между тѣмъ какъ въ огромномъ большинствѣ губерній Имперіи, и притомъ не сосѣднихъ, а населенныхъ крестьянами различныхъ народностей, сознается потребность въ проектируемомъ дополненіи закона, непол-

---

[1]) За признаніе надѣла достояніемъ двора высказались слѣдующія совѣщанія: Виленское, Витебское, Вологодское, Волынское, Вятское, Гродненское, Екатеринославское, Минское, Могилевское, Оренбургское, Орловское, Пермское, Подольское, Рязанское, Тверское, Тульское, Черниговское, Ярославское.

[2]) Мнѣніе Нижегородскаго совѣщанія; это мнѣніе раздѣляютъ совѣщанія: Бессарабское, Полтавское, Тамбовское, Херсонское. Совѣщанія: Ковенское, Курское, С.-Петербургское и Уфимское не дали прямыхъ отвѣтовъ.

нота котораго по предложенному вопросу истолковывается именно въ томъ смыслѣ, что надѣлъ не составляетъ единоличнаго достоянія домохозяина, а принадлежитъ всѣмъ членамъ двора. Очевидно, названныя губернскія совѣщанія дали отвѣты болѣе категорическіе, чѣмъ согласные съ запросами мѣстной жизни, тѣмъ болѣе, что мотивы отрицательныхъ отвѣтовъ подрываютъ ихъ категорическую формулировку. Такъ, Бессарабское совѣщаніе, давая свой отрицательный отвѣтъ, мотивируетъ его тѣмъ, что несогласіе или малолѣтство одного изъ членовъ семьи „могло бы помѣшать подворному владѣльцу осуществить свои виды, могущіе идти на пользу всей семьи", что „интересы членовъ семьи вполнѣ гарантируются обязательнымъ установленіемъ наличности согласія сельскаго схода какъ на отчужденіе подворнаго участка, такъ равно и на долгосрочную аренду" [1]). Опасающееся превращенія крестьянской семьи въ коммуну Нижегородское губернское совѣщаніе утверждаетъ, что „интересы членовъ семьи при общинномъ пользованіи достаточно гарантированы закономъ, воспрещающимъ крестьянамъ отчуждать свои усадьбы безъ согласія общества"; что „подворные крестьянскіе земельные участки должны быть признаваемы родовымъ имуществомъ, и потому при продажѣ ихъ слѣдуетъ предоставить всѣмъ членамъ семьи право выкупа", между тѣмъ какъ „распоряженіе подворными участками слѣдуетъ предоставить старшему домохозяину (sic), при чемъ старшимъ въ этихъ случаяхъ долженъ считаться только отецъ и дѣдъ; братья, дяди и племянники должны признаваться равноправными совладѣльцами" [2]). Полтавское совѣщаніе хотя и признаетъ, что „каждый членъ семьи имѣетъ право на семейное имущество въ размѣрѣ своего труда въ пользу общаго хозяйства", но въ то же время находитъ, что „если въ основѣ семейнаго начала и лежатъ узы крови, но все же авторитетъ отцовской власти въ значительной степени держится матеріальной зависимостью членовъ семьи, и устранять мате-

[1]) Сводъ заключеній губ. совѣщ., т. III, стр. 341.
[2]) Ibid., стр. 349.

ріальную зависимость членовъ семьи отъ главы искусственнымъ законодательнымъ путемъ слишкомъ опасно"; для обезпеченія интересовъ членовъ семьи было бы совершенно достаточнымъ вопросы о ненормальныхъ имущественныхъ отношеніяхъ въ семьяхъ передавать на разрѣшеніе сельскихъ сходовъ [1]). Наконецъ, Херсонское совѣщаніе, не давая никакихъ мотивовъ, провозглашаетъ: „правило о принадлежности подворнаго участка цѣлому двору не можетъ быть признано цѣлесообразнымъ; участокъ долженъ принадлежать главѣ семьи, какъ полному его хозяину, а засимъ членамъ семьи въ извѣстной послѣдовательности наслѣдственныхъ правъ, согласно обычному праву, или, за отсутствіемъ таковаго, по общимъ указаніямъ закона, должно принадлежать право наслѣдованія, но не выкупа подворнаго участка" [2]). Почему?— Херсонское совѣщаніе на этотъ вопросъ дать отвѣтъ считаетъ лишнимъ.

Если оставить въ сторонѣ немотивированное заключеніе Херсонскаго совѣщанія, то въ прочихъ отрицательныхъ заключеніяхъ не трудно замѣтить одну общую черту,—заботы объ интересахъ членовъ семьи, притязанія которыхъ, хотя и не въ юридической формѣ, все же признаются заслуживающими вниманія. Эти же самыя заботы объ интересахъ семьи, членовъ двора, обнаруживаются и въ заключеніяхъ тѣхъ губернскихъ совѣщаній, которыя сочувственно относятся къ проектируемому ограниченію правъ домохозяина въ интересахъ членовъ двора. А если основная тенденція и сторонниковъ, и противниковъ предложенной на обсужденіе мѣры одинакова, то вопросъ сводится лишь къ тому, какимъ способомъ примирить интересы домохозяина съ интересами домочадцевъ? Возможно ли, соблюдая интересы и домохозяевъ, и домочадцевъ, поставить на мѣсто единоличнаго распорядителя надѣла коллективный субъектъ? Слѣдуетъ ли въ этомъ случаѣ прибѣгать къ конструкціи особаго юридическаго лица, представителемъ котораго является домохозяинъ?

---

[1]) Ibid., стр. 352.

[2]) Ibid., стр. 357.

Романистической доктринѣ извѣстна одна лишь форма коллективнаго субъекта—universitas personarum, такъ называемое юридическое лицо; но въ германскомъ правѣ существуетъ и другая форма коллективнаго субъекта—союзное лицо (Gemeinschaft), проникнутое началомъ gesammte Hand. Начало это, отличающее коллективные субъекты германскаго происхожденія отъ таковыхъ же въ романистической доктринѣ, свойственно не одному лишь праву на недвижимости, но оно является новымъ, съ точки зрѣнія романистической теоріи, принципомъ права, встрѣчающимся въ другихъ областяхъ частноправныхъ отношеній. Начало это, впервые подмѣченное въ области отношеній по имуществу между супругами еще въ XVII вѣкѣ, сдѣлалось предметомъ тщательнаго изученія у германистовъ въ XIX в. Въ области вещныхъ правъ на недвижимости начало der gesammten Hand характеризуетъ собою явленія противоположныя по своей конструкціи институтамъ современныхъ законодательствъ, проникнутымъ началами римскаго права. Римское ученіе объ общей собственности отправляется отъ того положенія, что duorum quidem in solidum dominium vel possessionem esse non posse: nec quemquam partis corporis dominum esse sed totius corporis pro indiviso pro parte dominium habere [1]). Центръ тяжести въ римскомъ ученіи объ общей собственности полагается въ индивидуальномъ правѣ каждаго участника [2]), потому что „каждый относительно своей идеальной доли вполнѣ самостоятеленъ въ правѣ распоряженія, будучи управомоченъ на отчужденіе своей идеальной доли, на залогъ ея, на обремененіе ея узуфруктомъ; эта идеальная доля является объектомъ законнаго узуфрукта на имуществѣ сособственника и объектомъ взысканій для его кредиторовъ. Не существуетъ ограниченій правъ участника въ интересахъ прочихъ соучастниковъ, въ частности послѣднимъ не принадлежитъ право преимущественной покупки идеальной доли, отчуждаемой третьимъ лицамъ“.

---

[1]) l. 5, § 15, D. commodati, 13,6.

[2]) Dernburg—Pandekten, I, § 196, Franken—Lehrbuch des D. Priv.-R. S. 272.

Каждый изъ участниковъ имѣетъ право на совладѣніе общею вещью; при невозможности установить фактическое господство многихъ лицъ на одинъ и тотъ же объектъ непосредственное отношеніе къ нему предоставляется одному изъ сособственниковъ. На плоды и доходы общей вещи каждый участникъ имѣетъ самостоятельное право, соразмѣрное долѣ участія; равнымъ образомъ каждый участникъ несетъ упадающую на него долю расходовъ на поддержаніе общаго имущества. Что касается, наконецъ, измѣненій въ общемъ имуществѣ, то таковыя могутъ быть предпринимаемы не иначе какъ съ согласія всѣхъ соучастниковъ: in re communi neminem dominorum jure facere quidquam invito altero posse, unde manifestum est prohibendi jus esse: in re enim pari potiorem causam esse prohibentis constat [1]). Индивидуалистическій характеръ права каждаго изъ сособственниковъ, по замѣчанію Дернбурга, былъ бы совершенно невыносимъ, если бы каждому изъ сособственниковъ не принадлежало право односторонне требовать раздѣла общаго имущества для прекращенія права общей собственности. Римская общая собственность опредѣляется указанными чертами въ разсчетѣ на прекращеніе общности и на возстановленіе индивидуальнаго права съ признаками исключительности и независимости.

По типу римской общей собственности построена и наша общая собственность въ 1 ч. X т., ст. 543—556, гдѣ преимущественное вниманіе законодателя сосредоточено на способахъ прекращенія общей собственности, а не на нормахъ, опредѣляющихъ взаимныя права и обязанности сособственниковъ или совладѣльцевъ; для статей перваго рода въ Сводѣ оказалось больше историческаго матеріала, чѣмъ для опредѣленія взаимныхъ правъ и обязанностей при продолжающейся общности правъ: въ этомъ обстоятельствѣ нельзя не видѣть стремленія нашего гражданскаго права, насколько оно отразилось въ законодательствѣ, къ установленію торжества индивидуальной собственности. Германскому праву, напротивъ, знакомы отношенія коллективнаго субъекта къ имуществу, вовсе не

---

[1]) l. 28, D., communi divid., 10,3.

проникнутыя индивидуалистическимъ началомъ римской общей собственности, и потому не разсчитанныя на прекращеніе непосредственнаго отношенія коллективнаго субъекта къ состоящему въ его обладаніи имуществу: если по римскому праву и по законодательствамъ, сознательно или безсознательно подражающимъ римскимъ институтамъ, общая собственность представляется явленіемъ ненормальнымъ, въ виду общаго стремленія къ возможной индивидуализаціи отношеній, то въ германскомъ правѣ существуютъ отношенія коллективнаго субъекта къ имуществу, разсчитанныя навсегда или на продолжительные сроки, такъ что общность права представляется не временнымъ, преходящимъ и подлежащимъ ликвидаціи юридическимъ явленіемъ, а, напротивъ, оказывается чертой, характеризующей цѣлый рядъ институтовъ, признаваемыхъ въ такой же мѣрѣ положительнымъ правомъ, какъ и институты, проникнутые индивидуалистическимъ характеромъ.

Тогда какъ романистическая доктрина знаетъ только двоякихъ субъектовъ права—лица физическія и лица юридическія, германскому праву извѣстна еще посредствующая фигура—personenrechtliche Gemeinschaft. Это не есть лицо физическое, ибо Gemeinschaft состоитъ изъ совокупности нѣсколькихъ индивидовъ, это не есть и юридическое лицо,—ибо за таковое оно не признается со стороны дѣйствующаго законодательства. Въ противоположность юридическому лицу (Verbandsperson)—это сообщество есть правовое отношеніе, но не правовой субъектъ [1]). Въ своемъ историческомъ развитіи эти своеобразныя сообщества отправляются отъ отношеній между членами семьи и между сонаслѣдниками, а затѣмъ по образцу этихъ типичныхъ первоначальныхъ отношеній складываются сообщества, преслѣдующія различныя цѣли и чуждыя кровныхъ основъ. Отношенія послѣдняго рода проникнуты началомъ der gesammten Hand, тогда какъ въ первоначальныхъ отношеніяхъ начало der gesammten Hand связано съ началомъ семейной опеки—Munt. Въ настоящее время германисты раздѣляютъ неизвѣстныя римскому праву сообщества на двѣ

---

[1]) Gierke—Deutsches Privatrecht, S. 660.

категоріи—Gemeinschaften zur gesammten Hand и Gemeinschaften kraft herrschaftlicher Gewalt. Названіе gesammte Hand германисты объясняютъ обнаруживающимся въ юридическихъ памятникахъ способомъ совершенія юридическихъ актовъ отъ лица многихъ субъектовъ, дѣйствующихъ какъ одинъ, внѣшнимъ выраженіемъ чего служатъ соединенныя руки всѣхъ. Начало der gesammten Hand характеризуетъ собою различныя отношенія какъ частнаго, такъ и публичнаго права. Сообщество zur gesammten Hand не есть нѣчто отдѣльное отъ входящихъ въ составъ его индивидовъ, подобно юридическому лицу. По опредѣленію Гирке [1]), наиболѣе авторитетнаго писателя въ области ученія о коллективномъ субъектѣ, Gemeinschaft zur gesammten Hand есть такое сообщество, въ которомъ соединенные индивиды совокупно призываются къ активному участію въ общей для всѣхъ нихъ сферѣ. Здѣсь обнаруживается единство лица во множественности участниковъ. Въ отношеніяхъ внутреннихъ господствуетъ совокупная воля всѣхъ какъ цѣлостная и единая воля сообщества; въ отношеніяхъ внѣшнихъ дѣйствующимъ лицомъ выступаетъ множественность. При этомъ, однако, вовсе не исключена возможность предоставленія одному изъ участниковъ роли главы сообщества, но за совокупностью участниковъ должно быть сохранено высшее значеніе, такъ что надъ властью главы должна стоять власть совокупной воли всѣхъ участниковъ и, несмотря на всѣ правомочія, связанныя съ представительствомъ главы сообщества, полное выраженіе сообщества возможно только при совокупномъ участіи всѣхъ членовъ сообщества. Если отъ этой общей характеристики сообщества zur gesammten Hand обратиться къ характеристикѣ Gemeinschaft kraft herrschaftlicher Gewalt, то у Гирке эта характеристика сводится къ слѣдующему:

1. Сообществомъ, объединяемымъ началомъ власти (Gemeinschaft zur gesammten Hand), называется то отношеніе общности, которое существуетъ между многими лицами вслѣдствіе личной власти и подчиненія.

---

[1]) Ibid., S. 664.

2. Одно господствующее лицо является здѣсь представителемъ сообщества; въ немъ въ предѣлахъ и за предѣлами сообщества находитъ свое юридическое выраженіе связанность лицъ, составляющихъ единство. И тѣмъ не менѣе здѣсь наблюдается юридическое отношеніе сообщества, внутри проявляющееся во взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ между домовладыкой и домочадцами, во внѣ же обнаруживающееся въ томъ, что выраженіе личнаго единства чрезъ домовладыку заключаетъ въ себѣ представительство (объективное) домочадцевъ. Начало der gesammten Hand не устраняется въ сообществѣ, если власть домовладыки ограничивается участіемъ совокупности всѣхъ подчиненныхъ его власти лицъ.

3. Сообщество на началахъ власти коренится въ германскомъ семейномъ правѣ. Древнѣйшей формой проявленія такого рода сообщества является сообщество домочадцевъ, господиномъ и представителемъ котораго въ силу принадлежащаго ему права опеки (Munt) является домовладыка. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи сообщество на началахъ власти отрѣшилось отъ своихъ первоначальныхъ семейныхъ основъ. Многія изъ такихъ сообществъ, какъ, напр., сообщество леннаго права и сообщество помѣщика съ крестьянами, разрушены въ новѣйшее время. Хотя теорія и стремилась подвести такія сообщества подъ индивидуалистическія опредѣленія римскаго права, однако эти стремленія не увѣнчались успѣхомъ. Въ жизни все сильнѣе прокладываетъ себѣ дорогу мысль о личномъ сообществѣ между домовладыкой и подчиненными его власти лицами, и законодательство во многихъ случаяхъ воспользовалось этой идеей, сдѣлавъ изъ нея важные выводы, не рѣшаясь однако принципіально признать эту идею.

4. Въ современномъ частномъ правѣ нѣтъ вполнѣ выработанной юридической формы сообщества на началахъ власти; существуютъ только, наряду съ разрозненными остатками старыхъ союзовъ, проникнутыхъ началомъ власти, принадлежащихъ къ области леннаго, помѣстнаго и крестьянскаго права, юридическія явленія, въ которыхъ фактически существующее сообщество на началахъ власти обнаруживается и въ юридическихъ послѣдствіяхъ. Сюда прежде всего при-

надлежитъ домъ—сообщество, объединяемое властью домовладыки. Во всѣхъ сообществахъ на началахъ власти наблюдается связанность лицъ. Личность домовладыки расширяется благодаря тому, что онъ является представителемъ союза лицъ, подчиненныхъ единству участниковъ. Насколько простирается сфера общности—объединенныя въ сообществѣ лица находятся подъ властью домовладыки и въ немъ находятъ своего представителя. Возможно, что въ опредѣленныхъ случаяхъ онъ обязанъ прибѣгать къ содѣйствію подчиненныхъ лицъ или ихъ представителей. Господствующее положеніе домовладыки даетъ ему права, но возлагаетъ на него и обязанности; подчиненные обязаны ему послушаніемъ и службой, онъ же долженъ оказывать имъ покровительство и защиту. Какъ представитель сообщества, онъ снабженъ какъ полномочіями представительства, такъ и обязанностью нести отвѣтственность за подчиненныхъ. Отдѣльныя сферы членовъ сообщества, выходящія за его предѣлы, свободны отъ подчиненія власти домовладыки.

Если съ этой общей характеристикой сообщества на началахъ власти сопоставить изображеніе институтовъ крестьянскаго права въ различныхъ частяхъ Германіи, то получится хорошо знакомая картина крестьянскаго землевладѣнія, какъ оно изображается въ крестьянскихъ искахъ и въ рѣшеніяхъ судебныхъ мѣстъ.

Отмѣна власти помѣщиковъ надъ землями крестьянъ не отразилась на отношеніяхъ крестьянъ къ землѣ, и внутренній порядокъ крестьянскаго двора и послѣ отмѣны Obereigenthum опредѣляется тѣми же правилами, которыя дѣйствовали и при зависимости земли отъ помѣщика. Любопытно отмѣтить въ области крестьянскаго частнаго права слѣдующія явленія.

Необходимыми условіями для того, чтобы стоять во главѣ крестьянскаго хозяйства, являются опытность и осторожность, съ одной стороны, и достаточная физическая сила—съ другой. Гдѣ обнаруживается недостатокъ въ томъ или другомъ условіи, тамъ является необходимость въ его восполненіи. При

---

[1]) Gengler—Deutsches Privatrecht, 346—351.

малолѣтствѣ прямыхъ наслѣдниковъ, во избѣжаніе перерыва хозяйственныхъ функцій двора, возникаетъ, такъ называемая, Interims-Wirthschaft, въ силу чего посторонній субъектъ становится временнымъ домохозяиномъ, права котораго на землю ограничиваются лишь эвентуальными притязаніями прямыхъ наслѣдниковъ. Вступленіе въ роль временнаго домохозяина всего чаще совершается чрезъ вступленіе вдовы прежняго домохозяина во второй бракъ за новаго временнаго домохозяина, который, вступая во дворъ своей жены, превращается уже въ постояннаго члена двора. Возможно, однако, что въ качествѣ временнаго домохозяина вступаетъ во дворъ посторонній субъектъ, не связывающій себя узами брака съ вдовой перваго домохозяина. Такой временный домохозяинъ уплачиваетъ налоги и отбываетъ повинности, а по отношенію къ малолѣтнимъ прямымъ наслѣдникамъ исполняетъ тѣ же обязанности и имѣетъ тѣ же права, что и ихъ отецъ. Уступка двора престарѣлымъ домохозяиномъ другому лицу возможна въ двоякомъ видѣ, и съ тѣми же условіями, какія часто встрѣчаются у насъ.

1) Уступка постороннему лицу (Abtretung in ungesippte Hand), не имѣющему права наслѣдованія, и 2) уступка наслѣдникамъ (Uebergabe in gesippte Hand) съ обязательствомъ послѣднихъ, какъ говорятъ наши крестьяне, „воспитывать“ престарѣлаго ех-хозяина.

Дворъ во всякомъ случаѣ разсматривается, какъ нѣкоторая недѣлимая величина. Субъективный составъ двора можетъ измѣняться, но объективно дворъ остается неизмѣнной величиной.

Начало gesammte Hand живетъ въ правосознаніи германскихъ крестьянъ и мирится съ тѣми юридическими взглядами, которые наблюдаются и въ нашей крестьянской семьѣ. Нашему законодательству начало gesammter Hand неизвѣстно [1]). И если сенатская практика по крестьянскимъ дѣламъ даетъ рѣшенія, проникнутыя этимъ чуждымъ нашему законодательству началомъ, то спрашивается, считать ли духъ этихъ

---

[1]) См., впрочемъ, Полн. Собр. Зак. I. № 12095—о колонистахъ.

рѣшеній результатомъ заимствованія готовыхъ формулъ изъ германскаго права, примѣняемыхъ къ условіямъ нашего крестьянскаго быта, или же смотрѣть на эти рѣшенія, какъ на авторитетное отраженіе юридическихъ взглядовъ, присущихъ нашему крестьянству? Едва-ли поставленный вопросъ можетъ быть разрѣшенъ во второмъ смыслѣ. Хотя въ исковыхъ прошеніяхъ крестьянъ и замѣтны теперь мотивы, совпадающіе съ мотивами сенатскихъ рѣшеній, гдѣ при подворномъ владѣніи такую доминирующую роль играетъ выходъ члена со двора и распредѣленіе долей участія въ пользованіи надѣломъ между членами двора по усмотрѣнію представителя, старшаго во дворѣ лица, однако мотивы эти въ прошеніяхъ являются скорѣе результатомъ знакомства составителей прошеній съ сенатскими рѣшеніями, чѣмъ наоборотъ; въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ и съѣздовъ мировыхъ посредниковъ эти мотивы встрѣчаются рѣже; что же касается самихъ тяжущихся, то они простодушно даютъ на предлагаемые имъ юристами вопросы такіе отвѣты, которые свидѣтельствуютъ о томъ, что теорія Сената имъ вовсе неизвѣстна, или, правильнѣе сказать, чужды ихъ правосознанію юридическіе взгляды, проводимые Сенатомъ въ рѣшеніяхъ по крестьянскимъ дѣламъ.

Но если германскимъ началомъ der gesammten Hand проникнуты сенатскія рѣшенія и начало это въ правосознаніи крестьянства не коренится, то быть можетъ отрывочныя и скудныя указанія нашего закона о крестьянскомъ землевладѣніи представляютъ все-же достаточный матеріалъ, чтобы на основаніи его конструировать тѣ положенія Сената, коими опредѣляются внутреннія отношенія членовъ двора между собою и отношенія къ домохозяину по поводу надѣльной земли? Законъ, какъ уже сказано было выше, оперируетъ съ понятіемъ домохозяина, и лишь нѣкоторыя статьи мѣстныхъ положеній говорятъ о крестьянской семьѣ. До послѣдняго времени (законъ 14 ноября 1893 года) выкупленные крестьянскіе надѣлы подлежали свободному отчужденію [1])

---

[1]) Рѣш. Гражд. Касс. Деп-та 1884 г. № 68 гласитъ, что продажа крестьянскихъ земель закономъ не запрещена; ср., впрочемъ, 1887 г. № 97.

(ст. 166 полож. о вык.), и по закону не было препятствій и къ раздробленію надѣла на участки минимальнаго размѣра [1]) (ст. 167 полож. о вык.). Но тѣмъ не менѣе Сенатъ въ большинствѣ своихъ рѣшеній держится того взгляда, что надѣльная земля, хотя-бы и выкупленная, не можетъ быть признаваема личною и исключительною собственностью домохозяина [2]). Спрашивается, кому же принадлежитъ надѣлъ? Надѣльная земля не принадлежитъ ни помѣщику, ни казнѣ [3]); она принадлежитъ не домохозяину, а всему его семейству [4]), двору, тому коллективному субъекту, который на языкѣ Сената именуется рабочимъ, трудовымъ союзомъ, рабочей семьей [5]) и даже юридическимъ лицомъ [6]). Если надѣлъ принадлежитъ семьѣ [7]), то какія права имѣютъ на надѣлъ члены семьи? Хотя первоначально [8]) Сенатъ ставитъ и разрѣшаетъ въ утвердительномъ смыслѣ вопросъ о томъ, что надѣльная земля составляетъ *общую собственность* всей семьи домохозяина, но затѣмъ [9]) категорически высказывается въ томъ смыслѣ, что изъ признанія надѣла достояніемъ всей семьи „не слѣдуетъ, чтобы надѣлы состояли у членовъ семейства домохозяевъ на правѣ общей собственности въ томъ смыслѣ, въ какомъ подобная собственность разумѣется общими гражданскими законами (ст. 543 и сл. 1 ч. X т.). Посему къ

---

[1]) Только Сенатъ ограничилъ дробленіе на участки менѣе полнаго надѣла. 1878 г., 13 мая, № 3700.

[2]) Рѣш. 1881 г. № 161, 1882 г. № 147, 1889 г. № 67, 1893 г. № 91.

[3]) Рѣш. 1884 г. № 68 „Земли, надѣленныя поселянамъ (колонистамъ), не составляютъ собственности казны“.

[4]) Рѣш. Общ. Собр. 1885 г. № 25 относительно усадебной земли по Великоросс. полож.

[5]) Рѣш. Общ. Собр. 1892 г. № 42.

[6]) Рѣш. Общ. Собр. 1892 г. № 42 п. 2. Разумѣется, послѣдняя квалификація крестьянской семьи, двора, не можетъ быть признана правильной. Для понятія юридическаго лица требуется спеціальное или общее признаніе со стороны закона, могущее послѣдовать лишь относительно такихъ коллективныхъ субъектовъ, организація которыхъ опредѣлена ихъ уставами. Въ данномъ случаѣ наблюдается такой коллективный субъектъ, организація котораго составляетъ загадку.

[7]) Рѣш. 1893 г., № 66.

[8]) Рѣш. 1881 г., № 161.

[9]) Рѣш. 1893 г., № 91.

своеобразному праву крестьянскаго двора на состоящую въ его надѣлѣ землю нельзя примѣнять и того правила, по которому распоряженіе общимъ имуществомъ должно быть по общему согласію совладѣльцевъ (ст. 546 и 554 ч. 1 т. X)". Разумѣется, возбуждать вопросъ о правѣ собственности, личномъ или общемъ, возможно было бы лишь въ примѣненіи къ тѣмъ надѣламъ, которые уже выкуплены домохозяевами; въ примѣненіи же къ невыкупленнымъ еще надѣламъ употреблять этотъ терминъ преждевременно. Но въ настоящее время, послѣ изданія закона о неотчуждаемости надѣльныхъ земель [1]), разница между выкупленными и невыкупленными надѣлами въ значительной степени сглажена; судьба обоихъ видовъ связана объединяющимъ началомъ неотчуждаемости. Разница между выкупленнымъ и невыкупленнымъ надѣломъ обнаруживается только съ экономической точки зрѣнія, но въ области юридическихъ отношеній между членами двора не проявляется, потому что на невыкупленный надѣлъ дворъ имѣетъ такія же прочныя вещныя права, какъ и на выкупленный.

Итакъ право семьи на надѣлъ—право своеобразное. Своеобразность этого права обнаруживается въ вопросѣ о субъектѣ его, объектѣ и содержаніи.

Ближайшимъ вопросомъ, послѣ уясненія вопроса о томъ, что надѣлъ принадлежитъ семьѣ, является вопросъ, кто составляетъ семью?

Устанавливаемая Сенатомъ своеобразность права на надѣлъ не даетъ возможности отвѣтить на поставленный вопросъ съ точки зрѣнія общихъ гражданскихъ законовъ, опредѣленіями коихъ устанавливается понятіе семьи, какъ союза кровнаго, противополагаемаго кровному же союзу въ болѣе широкомъ смыслѣ, союзу родственному [2]). Крестьянская семья, что̀ касается надѣла, не есть союзъ кровный, а рабочій [3]).

---

[1]) Законъ 14 декабря 1893 г. Собр. узак. 1894 г. ст. 94.

[2]) Понятіе семьи въ тѣсномъ смыслѣ исчерпывается тѣми лицами, которыя поименованы въ ст. 657 ч. 1 т. X: мужъ, жена и дѣти; въ основаніи обоихъ союзовъ—семейнаго и родственнаго—лежитъ союзъ брачный.

[3]) Рѣш. Общ. Собр. 1895 г. № 45; рѣш. Гражд. Касс. Деп-та 1896 г. № 126.

Хотя возможно,—и это въ большинствѣ случаевъ и наблюдается,—что населеніе крестьянскаго двора представляетъ собою кровный союзъ, но не единство происхожденія опредѣляетъ техническое понятіе крестьянской семьи, а нѣчто иное. Такъ, Сенатъ въ одномъ случаѣ [1]) выразился: „*не для цѣлей надѣла* причисленныя къ семьѣ лица не въ правѣ требовать въ качествѣ крестьянъ-домохозяевъ участія въ пользованіи и распоряженіи надѣленнымъ рабочей семьѣ или крестьянскому двору земельнымъ участкомъ. . . .“ Значитъ, возможно быть причисленнымъ къ семьѣ крестьянина лицомъ, и въ то же время не быть членомъ того коллективнаго субъекта, которому принадлежитъ право на надѣлъ. Цѣли надѣла опредѣляются закономъ,—общимъ и мѣстными положеніями, гдѣ говорится: „помѣщики . . . . предоставляютъ . . . . въ постоянное пользованіе крестьянъ усадебную ихъ осѣдлость и сверхъ того, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ, то количество полевой земли и другихъ угодій, которое опредѣляется на основаніяхъ, указанныхъ въ мѣстныхъ положеніяхъ [2]). Опредѣляя размѣръ надѣла, законъ снова подчеркиваетъ цѣль надѣленія крестьянъ землею: „надѣлъ, предоставляемый крестьянамъ въ постоянное пользованіе, для обезпеченія ихъ быта и исправнаго отправленія ими государственныхъ повинностей“ . . . . [3]). Въ настоящее время, съ упраздненіемъ обязательныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, цѣль надѣла сводится къ обезпеченію быта крестьянъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ къ отправленію государственныхъ повинностей: достаточно указать на пониженіе выкупныхъ платежей, на неоднократныя разъясненія Сената о порядкѣ обращенія частныхъ взысканій на крестьянскіе надѣлы, наконецъ на законъ 14 декабря 1893 года о неотчуждаемости надѣловъ.

Итакъ, цѣль надѣла главнымъ образомъ сводится

---

[1]) Рѣш. Общ. Собр. 1892 г. № 42.

[2]) Общ. пол. ст. 3.

[3]) Ibid. ст. 6 п. 1; ср. ст. 5 Великор. пол., ст. 5 Малор. пол.

къ обезпеченію быта крестьянъ; достиженіе этой цѣли гарантируетъ и исправное отправленіе ими государственныхъ повинностей. Въ виду того, что въ настоящее время первая цѣль пріобрѣтаетъ доминирующее значеніе, формулировка Сената представляется нѣсколько странною: вѣдь не крестьяне существуютъ для надѣла, а надѣлъ существуетъ для крестьянъ, и если крестьянинъ нуждается въ обезпеченіи землею, то причисленіе его къ семьѣ въ какихъ-то иныхъ цѣляхъ, „не въ цѣляхъ надѣла", не говоритъ ничего въ пользу того, чтобы такой крестьянинъ не нуждался въ обезпеченіи своего быта. Въ томъ рѣшеніи Общ. Собр., гдѣ употреблено выраженіе „не для цѣлей надѣла причисленныя къ семьѣ лица", рѣчь идетъ о посемейныхъ спискахъ, составляемыхъ для отбыванія воинской повинности; Сенату предлежало рѣшить вопросъ, могутъ ли такіе посемейные списки служить доказательствомъ принадлежности къ крестьянскому двору, владѣющему участкомъ надѣльной земли? Сенатъ разрѣшилъ этотъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ, имѣя въ виду, очевидно, такую обстановку конкретнаго казуса: крестьянинъ, внесенный въ посемейный списокъ своей кровной семьи, оказавшись членомъ другаго двора, заявляетъ претензію на надѣлъ, принадлежащій его кровной семьѣ.

Но съ этимъ рѣшеніемъ вопроса о доказательной силѣ посемейнаго списка трудно мирится отвѣтъ Сената (въ томъ же рѣшеніи Общ. Собр. 1892 г. № 42) на вопросъ: „лицо, не бывшее членомъ крестьянской семьи, при надѣлѣ этой семьи подворнымъ участкомъ (въ Ковенской губ.) и вступившее въ эту семью впослѣдствіи, пріобрѣтаетъ ли однимъ фактомъ причисленія къ семьѣ самостоятельное право собственности на надѣлъ съ тѣми членами семьи, которые числились въ посемейномъ спискѣ во время надѣла?"—Если посемейные списки не служатъ доказательствомъ принадлежности ко двору, то и постановка вопроса о правѣ причисленнаго къ семьѣ, одинаковомъ съ правами первоначально числившихся при надѣленіи членовъ семьи, не можетъ быть признана правильной. Если въ одномъ случаѣ отвергается доказательная

сила посемейныхъ списковъ, то нельзя въ другомъ случаѣ опредѣлять право на надѣлъ въ зависимости отъ первоначальной записки въ посемейный списокъ. Причисленіе въ смыслѣ первоначальной записки въ посемейный списокъ не можетъ служить доказательствомъ принадлежности къ означенной въ спискѣ семьѣ; но причисленіе въ смыслѣ перечисленія въ новую семью и не можетъ быть мыслимо иначе, какъ въ связи съ пріобрѣтеніемъ правъ на надѣлъ, записанный за домохозяиномъ новой семьи.

Обобщая оба случая приписки (причисленія), совершенно въ духѣ рѣшенія Сената, но несогласно съ внѣшней формулировкой этого рѣшенія, слѣдуетъ придти къ положенію, что каждый субъектъ, внесенный въ посемейный списокъ данной семьи, имѣетъ право на записанный за данной семьей или за ея домохозяиномъ надѣлъ, доколѣ не будетъ установлено, что заявляющій на надѣлъ свои притязанія субъектъ уже пересталъ быть наличнымъ членомъ своей кровной, по первоначальному причисленію семьи [1]). Причисленіе, хотя-бы и „не для цѣлей надѣла“, составитъ въ такомъ случаѣ прочный отправный пунктъ въ опредѣленіи правъ на надѣлъ, хотя противъ этого пункта и возможны возраженія. Внесеніе въ посемейные списки не можетъ быть лишено доказательной силы въ спорахъ о надѣлѣ; оно должно быть однимъ изъ доказательствъ, но не единственнымъ доказательствомъ принадлежности крестьянина ко двору, къ рабочему союзу, къ рабочей семьѣ. Но нерѣдки случаи, когда судебныя мѣста удовлетворяютъ притязанія на надѣлъ, заявляемыя такими лицами, которыя въ посемейные списки данной семьи и не внесены: это тѣ случаи, когда принимаются въ соображеніе фактическія отношенія, дающія основаніе причислить данное лицо къ числу наличныхъ членовъ даннаго двора, помимо пріобрѣтенія такимъ лицомъ юридическаго титула, отмѣчаемаго въ посемейныхъ спискахъ. И для того, слѣдователь-

---

[1]) Такая формулировка соотвѣтствуетъ знаменитой 87 ст. мѣстн. пол. губ. Ковенск., Под. и Вол.

но, чтобы отвѣтить на вопросъ, кто можетъ быть признанъ членомъ коллективнаго субъекта на надѣлъ, необходимымъ является разсмотрѣть вопросъ, кого должно считать наличнымъ членомъ крестьянскаго двора? Наличные члены—это прежде всего тѣ лица, которыя въ данное время живутъ во дворѣ, и которыя, придерживаясь терминологіи Сената, входя въ составъ рабочаго союза, осуществляютъ экономическое назначеніе надѣла, которыя къ тому же трудятся на себя или въ сознаніи принадлежности имъ надѣльной земли (animus rem sibi habendi); безразлично, внесены ли такія лица или не внесены въ посемейный списокъ домохозяина. Но, далѣе,—ко двору, т. е. къ его наличнымъ членамъ, принадлежатъ и такія лица, которыя еще неспособны или уже неспособны къ труду, направленному къ осуществленію цѣлей надѣла,—малолѣтніе и престарѣлые; по отношенію къ нимъ назначеніе надѣла, какъ фонда, обезпечивающаго бытъ крестьянъ, проявляется еще рельефнѣе, чѣмъ по отношенію къ трудоспособнымъ членамъ двора. Въ составъ двора входятъ такимъ образомъ и работающіе члены, и неработающіе: къ числу послѣднихъ принадлежатъ такія лица, которыя ушли изъ двора на заработки, если можетъ быть доказано, что ихъ удаленіе изъ двора не означаетъ намѣренія съ ихъ стороны отказаться отъ своего крестьянскаго быта, для обезпеченія котораго предназначенъ надѣлъ; ихъ принадлежность къ числу наличныхъ членовъ можетъ выражаться въ томъ, что заработки свои они обращаютъ на пользу надѣла и оставшихся во дворѣ членовъ, помогая имъ отбывать денежныя повинности и заботясь объ улучшеніи усадьбы и полевой земли; впрочемъ, если заработки и не обращаются отлучившимся на сторону субъектомъ на надѣлъ, то въ этомъ одномъ нельзя еще усматривать того, чтобы нетрудящійся на надѣлъ и на дворъ субъектъ не приносилъ пользы оставшимся членамъ двора: возможно, что его отсутствіе увеличиваетъ достатки остальной семьи, освобождая ее отъ лишняго ѣдока. Фактъ удаленія изъ двора тогда только можетъ быть признанъ за моментъ, разрывающій связь удалившагося съ семьей, когда изъ конкретныхъ обстоятельствъ можно заключить о налич-

ности animus derelinquendi; удаленіе безъ animus derelinquendi не составляетъ прекращенія связи со дворомъ, и какъ бы долго ни продолжалось отсутствіе изъ двора, само по себѣ оно не уничтожаетъ правъ отсутствующаго на надѣлъ, если со стороны оставшихся членовъ не обнаруживается намѣренія владѣть и пользоваться землею исключительно въ своихъ интересахъ, игнорируя интересы отсутствующаго: только въ послѣднемъ случаѣ истеченіе давности прекращаетъ права отсутствующаго на надѣлъ [1]).

Такимъ образомъ, право на участіе въ пользованіи надѣломъ имѣютъ всѣ тѣ лица, связь коихъ со дворомъ является прочною, постоянною, независимо отъ того, существуетъ ли или нѣтъ для этихъ лицъ юридическій титулъ въ видѣ внесенія ихъ въ посемейный списокъ. На практикѣ часто встрѣчаются случаи, вызывающіе недоумѣнія, а потому и рѣшаемые не всегда въ одинаковомъ смыслѣ, а именно тѣ случаи, когда субъектъ фактически оказывается въ неродственной для него семьѣ, фактически, но не сознательно утративъ постоянную свою связь съ своей первоначальной кровной семьей. Конкретная обстановка такихъ случаевъ сводится къ тому, что пережившій супругъ вступаетъ въ новый бракъ, переходя на надѣлъ новаго супруга, и при этомъ беретъ съ собою дѣтей, прижитыхъ отъ перваго брака; дѣти эти, придя въ возрастъ, требуютъ допущенія къ участію въ пользованіи землей, приписанной къ тому двору, изъ котораго они были выведены родителями,— и возникаетъ вопросъ, субъектами права на который изъ двухъ надѣловъ слѣдуетъ считать этихъ лицъ? Потеряли ли они съ выходомъ своимъ изъ двора, въ посемейномъ спискѣ коего они продолжаютъ значиться, права на надѣлъ, къ этому двору приписанный, и могутъ ли они быть признаны членами того двора, куда они приведены были своими родителями? Модификацію этого типичнаго казуса представляетъ собою тотъ случай, когда крестьянка вдова выходитъ въ замужество въ другой дворъ, имѣя въ утробѣ плодъ, зачатый во

---

[1]) Рѣш. Общ. Собр. 1895/45; рѣш. гражд. 1896/126.

дворѣ перваго мужа; разрѣшившись во второмъ дворѣ, второбрачная крестьянка требуетъ для своего ребенка отъ перваго брака надѣльной земли своего перваго мужа, а покамѣстъ, до возраста этого ребенка, заявляетъ притязаніе на эксплоатацію части земли перваго мужа отъ имени его малолѣтняго ребенка.

Если имѣть въ виду, что въ составъ двора входятъ не только тѣ лица, которыя поддерживаютъ сознательную связь съ дворомъ, будучи внесены въ посемейные списки, но и такія лица, которыя въ этихъ спискахъ не значатся, лишь бы и тѣ и другія сознавали свою прочную связь съ дворомъ; что отъ малолѣтнихъ такого сознанія требовать нельзя, но что воля родителей, вызвавшая ихъ перемѣщеніе изъ одного двора въ другой, должна быть принята въ соображеніе при опредѣленіи правъ малолѣтнихъ на надѣлъ,—то надлежитъ признать, какъ общее правило, что дѣти, пришедшія въ чужой дворъ со своимъ второбрачнымъ родителемъ, становятся вмѣстѣ съ родителемъ членами втораго двора, потому что вступаетъ и самъ второбрачный родитель въ новый дворъ съ согласія его субъекта, да и переходъ дѣтей отъ перваго брака едва-ли мыслимъ безъ того же согласія. Признаніе такого общаго начала приведетъ къ тому, что пріостановленіе теченія давности въ виду малолѣтства [1]) перешедшихъ въ чужую по крови семью дѣтей утратилъ свое значеніе въ дѣлахъ о крестьянскомъ надѣлѣ. Но, конечно, общее правило не исключаетъ возможности изъятій: переходящій въ чужой дворъ второбрачный родитель можетъ обезпечить своимъ дѣтямъ отъ перваго брака права на надѣлъ, записанный за домохозяиномъ ихъ роднаго двора, посредствомъ заключенія особаго договора, по силѣ котораго малолѣтніе, придя въ возрастъ, будутъ въ правѣ возвратиться въ свой родной дворъ. Разъ же такого спеціальнаго договора нѣтъ, а узы крови не имѣютъ значенія въ опредѣленіи правъ субъекта на надѣлъ [2]), то слѣдуетъ держаться общаго правила, по которому дѣти, приведенныя на чужой дворъ второбрачнымъ

---

[1]) Ст. 694 прил. ст. 2 ч. 1 т. X.

[2]) Ст. 1184 п. 5 ч. 1 т. X.

родителемъ, становятся членами этого послѣдняго двора. Вѣдь и родныя малолѣтнія дѣти считаются членами двора не потому, что они соединены съ прочими членами двора единствомъ крови, а потому, что ихъ привязываетъ ко двору воля ихъ родителей: такъ какъ „на крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, распространены общія постановленія законовъ гражданскихъ о правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ“ [1]), то родители, выселяясь въ общемъ составѣ кровной семьи изъ роднаго двора, въ виду принадлежащей имъ „неограниченной власти надъ дѣтьми“ [2]), предопредѣляютъ права послѣднихъ и на надѣлъ, т. е. лишаютъ ихъ возможности заявлять притязанія на надѣлъ роднаго двора.

Итакъ, каждое лицо, сохраняющее постоянную связь съ семьею, должно быть признано членомъ коллективнаго субъекта правъ на надѣлъ. Но опредѣленіе круга лицъ, имѣющихъ права на надѣлъ, не предрѣшаетъ вопроса о томъ, каковы эти права, принадлежащія каждому члену въ отдѣльности. Эти права отдѣльныхъ членовъ опредѣляются природою объекта и взаимными отношеніями между членами двора.

Коллективному субъекту принадлежитъ право на надѣлъ. Въ составъ надѣла входитъ усадебная осѣдлость, полевая земля и другія угодія [3]),—законъ имѣетъ въ виду недвижимости; спрашивается, могутъ ли и движимости считаться надѣльнымъ имуществомъ? Къ признанію движимости надѣльнымъ имуществомъ въ законѣ нѣтъ достаточнаго матеріала, хотя Сенатъ неоднократно высказываетъ взглядъ на движимость, какъ на принадлежность крестьянскаго хозяйства [4]), а судебная практика, руководствуясь указаніями Сената, обнаруживаетъ тенденцію опредѣлять судьбу движимаго крестьянскаго имущества на основаніи тѣхъ же началъ, какія установились для надѣльныхъ земель. Если взглядъ Сената и можетъ быть признанъ правильнымъ, то лишь въ виду того

---

[1]) Общ. пол. ст. 21.

[2]) Т. X ч. 1 ст. 179 п. 3.

[3]) Общ. пол. ст. 3. Составъ надѣла—ст. 26—49 Великор. пол., ст. 19—41 Малор. пол.

[4]) Рѣш. Общ. Собр. 1889/21 и др.

спеціальнаго повода, которымъ вызвано рѣшеніе Сената, содержащее въ себѣ этотъ взглядъ,—именно въ виду обращенія взысканій на крестьянское имущество по частнымъ долгамъ. Правила о порядкѣ взысканія частныхъ долговъ съ крестьянъ изложены въ приложеніи къ примѣч. 3 ст. 24 общ. пол. Въ означенномъ примѣчаніи прежде всего сдѣлана ссылка на ст. 384—407 устава о благоустр. въ каз. селеніяхъ [1]); ст. 389 означенныхъ правилъ постановляетъ: „въ случаѣ неимѣнія у отвѣтчика недвижимаго имущества, приносящаго доходъ, сельскій староста, подъ надзоромъ сельскаго старшины, описываетъ движимое его имущество и назначаетъ изъ онаго къ продажѣ такую часть, которая, не разстраивая хозяйства и не останавливая земледѣльческихъ и промышленныхъ занятій, отъ которыхъ отвѣтчикъ получаетъ содержаніе, достаточна будетъ на удовлетвореніе взысканія“; двѣ слѣдующія статьи гласятъ: ст. 390—„изъ движимаго имущества освобождаются также отъ продажи предметы, необходимые для уплаты годоваго оклада податей и содержанія семейства отвѣтчика, какъ то: ежедневная одежда, домашняя утварь, земледѣльческія орудія, сѣмена для засѣва и съѣстные припасы, потребные для пропитанія“; ст. 391 „рабочій и вообще домашній скотъ, необходимый для полевыхъ работъ и пропитанія, не можетъ быть обращенъ въ продажу, если въ немъ нѣтъ явнаго излишества“. Примѣняя приведенныя правила къ случаю обращенія взысканія на движимости, Сенатъ разъясняетъ, что „правила эти относятся только къ движимому имуществу крестьянъ, составляющему принадлежность хозяйства или промысла, производимыхъ на землѣ, предоставленной крестьянамъ и ихъ обществамъ для обезпеченія ихъ земельнаго устройства, т. е. къ имуществу, находящемуся въ предѣлахъ крестьянскаго надѣла“ [2]).

Разъясненіе это только развиваетъ п. 10 ст. 973 уст. гражд. суд., гдѣ сказано: „не подвергаются аресту ни въ какомъ

---

[1]) Свод. зак. т. XII ч. 2. Указомъ Сената 23 іюля 1871 г. правила этихъ статей признаны сохранившими силу и послѣ изданія Судебныхъ Уставовъ 1864 года.

[2]) Рѣш. Общ. Собр. 1889/21.

случаѣ..... 10) движимость крестьянъ, признаваемая необходимою въ крестьянскомъ хозяйствѣ". Но отъ признанія движимости необходимою въ крестьянскомъ хозяйствѣ еще далеко до признанія за этою движимостью характера принадлежности къ составу надѣла, почему законодатель и не включилъ содержанія 10 пункта ст. 973 въ 9-й пунктъ той же статьи, гдѣ говорится, что не подлежитъ ни въ какомъ случаѣ аресту „движимость, признаваемая, по законамъ гражданскимъ, принадлежностью недвижимыхъ имуществъ". Если необходимая въ хозяйствѣ движимость не подлежитъ продажѣ за долги, то отсюда никакъ нельзя вывести, что движимость эта не составляетъ объекта собственности индивидуальнаго члена двора: вѣдь и всѣ остальные пункты ст. 973 уст. гражд. суд., изъемля перечисленныя въ нихъ движимости отъ ареста и продажи, имѣютъ въ виду не то, чтобы эти объекты не составляли индивидуальнаго достоянія, а считаются только съ стѣсненнымъ положеніемъ должника, который, будучи лишенъ перечисленныхъ въ ст. 973 объектовъ, неминуемо долженъ впасть въ полное разореніе. Отождествлять юридическую судьбу крестьянской недвижимости (надѣла) съ судьбою движимости не даетъ основанія и ст. 31 общ. пол., гдѣ проводится разница между правами на недвижимость и правами на движимость: „крестьянамъ *оставлена* ихъ усадебная осѣдлость, впредь до пріобрѣтенія ими оной въ собственность..... Все движимое имущество крестьянъ, какъ то: домашній и рабочій скотъ, земледѣльческія орудія и пр., на основаніи существующихъ постановленій, *принадлежатъ вполнѣ* крестьянамъ".

Такимъ образомъ, ни законъ, ни разъясненія Сената не даютъ основанія признать необходимую въ хозяйствѣ движимость за принадлежность надѣла, раздѣляющую юридическую судьбу послѣдняго. Иной вопросъ, конечно, насколько было бы желательно такое признаніе въ будущемъ уложеніи крестьянскаго частнаго права. Въ заключеніяхъ губернскихъ совѣщаній вопросъ этотъ вовсе не затронутъ; правда, въ такой формѣ вопросъ этотъ и не былъ предложенъ на обсужденіе губернскимъ совѣщаніямъ,—но послѣднія, давая свои заключенія

по вопросу о томъ, желательно ли ввести въ законъ установленное уже толкованіями его правило о принадлежности подворнаго участка цѣлому двору [1]), имѣли полную возможность, если бы нашли это нужнымъ, коснуться вопроса объ объективномъ составѣ надѣла и указать, входитъ ли въ данной мѣстности въ составъ надѣльнаго имущества необходимая въ хозяйствѣ движимость. Умолчаніе губернскихъ совѣщаній даетъ основаніе заключить, что жизнь не успѣла выдвинуть вопроса о принадлежности движимости къ составу надѣльнаго имущества. Въ надѣленіи крестьянъ земельными угодіями преслѣдовалась цѣль обезпеченія крестьянскаго быта. Можетъ ли эта цѣль осуществиться въ надѣленіи субъекта движимостью? Если ст. 31 общ. пол. признаетъ полную принадлежность крестьянамъ движимости, а ст. 33 того же полож. предоставляетъ крестьянамъ право пріобрѣтать и отчуждать движимости, на ряду впрочемъ съ недвижимостями, не входящими въ составъ надѣла; если положеніе о выкупѣ во всѣхъ своихъ статьяхъ имѣетъ въ виду только земли, и размѣръ выкупныхъ платежей опредѣляется исключительно количествомъ земли, независимо отъ оборудованія крестьянскаго надѣла, то слѣдуетъ признать, что законодатель не смотрѣлъ на принадлежащія членамъ двора движимости, какъ на составную часть надѣльнаго имущества. Признаніе движимости за принадлежность недвижимаго имѣнія вообще чуждо нашему закону [2]); и въ тѣхъ частяхъ Свода законовъ, гдѣ еще до освобожденія крестьянъ законодатель считалъ нужнымъ опредѣлить отношеніе коллективнаго субъекта къ имуществу, имѣется въ виду имущество недвижимое, движимое же подлежитъ обсужденію по общимъ правиламъ законовъ гражданскихъ: такъ, въ уставѣ о колоніяхъ иностранцевъ въ Имперіи [3]), въ ст. 159 и 160 говорится только о земляхъ, какъ объ имуществѣ, предоставленномъ въ неоспори-

---

[1]) Вопросъ 59, т. III, стр. 340 сл.

[2]) Ст. 390 и 391 ч. 1 т. X имѣютъ въ виду объекты, не принадлежащіе къ хозяйству.

[3]) Т. XII ч. 2 изд. 1857 г.—замѣн. правилами 4 іюня 1876 г.

мое и вѣчно потомственное владѣніе колонистовъ, о движимомъ же имуществѣ ихъ уставъ не упоминаетъ.

При общемъ началѣ нашего права о раздѣльности имуществъ въ семейномъ строѣ чѣмъ возможно было бы оправдать конструкцію принадлежности движимаго имущества двору? Всеобъемлющее начало patria potestas нашему праву неизвѣстно. И въ германскомъ правѣ, гдѣ дѣйствуетъ принципъ der gesammten Hand, проводимый въ рѣшеніяхъ Правительствующаго Сената по крестьянскимъ дѣламъ, проникнутыя этимъ началомъ отношенія коллективнаго субъекта касаются только общей недвижимости, не распространяясь вовсе на движимое имущество [1]). Участіе въ совмѣстномъ пользованіи надѣльною землею вовсе не предполагаетъ коллективнаго обладанія движимостью, и вводить такой дѣйствительно коммунистическій принципъ въ жизнь двора, состоящаго изъ лицъ, имѣющихъ серьезные поводы къ отстаиванію своей индивидуальности, едва-ли было бы желательно, въ особенности въ настоящее время, когда крестьяне сознаютъ недостатки и неудобства общиннаго владѣнія даже землею.

Признавъ, что субъектомъ права на надѣлъ являются всѣ члены двора, а объектомъ сего права можетъ считаться только надѣльная земля,—остается теперь выяснить сущность того права, которое принадлежитъ коллективному субъекту на надѣльную землю.

Вышеприведенныя рѣшенія Сената истолковываютъ отношеніе домохозяина къ надѣлу, какъ отношеніе представителя коллективнаго субъекта, двора, рабочей семьи. Если на мѣсто представителя-домохозяина поставить совокупность членовъ двора, то и здѣсь не трудно отмѣтить разладъ между текстомъ закона и его толкованіями. Согласно первоначальной мысли законодателя, нашедшей выраженіе въ положеніяхъ о крестьянахъ и въ положеніи о выкупѣ, надѣльныя земли должны были превратиться въ объектъ права собственности [2]) крестьянъ изъ объекта постояннаго ихъ пользованія. Однако

---

[1]) Heusler—Instit. I, 245.
[2]) Общ. пол. ст. 11, 12, 31, 37, пол. о вык. п. 1—4, 166.

и выкупленные надѣлы въ объектъ права собственности, какъ оно формулировано у насъ въ ст. 420 ч. 1 т. X, превратиться не могутъ. И выкупленный даже надѣлъ не становится объектомъ владѣнія, пользованія и распоряженія, исключительныхъ и независимыхъ отъ лица посторонняго. Всѣ эти элементы права собственности въ лицѣ домохозяина подверглись, благодаря сенатскимъ толкованіямъ, ограниченіямъ въ интересахъ членовъ двора, но и дворъ, конкурируя съ домохозяиномъ, не сталъ субъектомъ права общей собственности, а признанъ лишь субъектомъ своеобразнаго права [1]). Оборотоспособность надѣльныхъ земель ограничена закономъ 14 декабря 1893 года, ихъ запрещено отчуждать лицамъ, не принадлежащимъ къ крестьянскому обществу, и запрещено отдавать въ залогъ. Характеръ надѣла какъ обезпечивающаго фонда крестьянскаго быта рѣзко очерченъ законодателемъ, хотя, быть можетъ, въ этомъ направленіи желательно было бы пойти еще дальше, и, не ограничиваясь запрещеніемъ отчужденій надѣловъ за предѣлы общества, совершенно запретить отчужденіе ихъ, если всѣ члены двора не обезпечены достаточнымъ количествомъ земельныхъ угодій [2]). Цѣль надѣла—обезпеченіе членовъ двора—опредѣляетъ взаимныя отношенія между членами двора и домохозяиномъ.

Прежде всего здѣсь возникаетъ вопросъ, кого должно считать домохозяиномъ? Вопросъ этотъ не вызываетъ сомнѣній, если находится въ живыхъ внесенный въ выкупные документы проживающій на надѣлѣ субъектъ. Иначе обстоитъ дѣло, если мѣсто первоначальнаго пріобрѣтателя занято другими лицами. На первоначальномъ домохозяинѣ, вмѣстѣ съ правами на надѣлъ, лежали и обязанности по отбыванію различныхъ повинностей за надѣлъ; а потому и по выбытіи первоначальнаго пріобрѣтателя, домохозяиномъ должно счи-

---

[1]) Рѣш. гражд. 1893/91.

[2]) Желательность такой мѣры высказана Тамбовскимъ и Нижегородскимъ губернскими совѣщаніями, признавшими необходимость развитія положеній закона 14 декабря 1893 года. Св. заключ., III, 351, 355.

тать того, кто является отвѣтственнымъ лицомъ за отбываніе повинностей. Кто будетъ этимъ отвѣтственнымъ субъектомъ?— Разрѣшеніе этого вопроса слѣдуетъ предоставить мѣстному обычаю, который сообразно мѣстнымъ условіямъ рѣшитъ этотъ вопросъ правильнѣе, чѣмъ общая норма закона. Что по этому вопросу въ разныхъ мѣстностяхъ существуютъ неодинаковые взгляды, это видно изъ заключеній губернскихъ совѣщаній: въ однѣхъ губерніяхъ въ качествѣ домохозяевъ признаются только мущины, въ другихъ не встрѣчаютъ препятствій къ допущенію на сходъ и женщинъ [1]). Во всякомъ случаѣ, допускаемый на сходъ домохозяинъ долженъ считаться таковымъ и во внутреннихъ отношеніяхъ между членами двора. По взглядамъ Сената, домохозяину, старшему во дворѣ члену, представителю двора принадлежитъ право распоряженія хозяйствомъ двора [2]); домохозяинъ является распорядителемъ въ области хозяйственныхъ вопросовъ двора, но ему не принадлежитъ право опредѣлять юридическую судьбу надѣльнаго имущества ни inter vivos, ни mortis causa; онъ лишенъ права отчуждать имущество (надѣлъ) въ силу того общаго начала нашего права, что распоряжаться, въ юридическомъ смыслѣ, можетъ только собственникъ имущества [3]). Какъ распорядитель хозяйства, домохозяинъ по своему усмотрѣнію можетъ избрать способъ веденія хозяйства и размѣръ участія каждаго изъ членовъ двора въ пользованіи надѣльною землею, при чемъ не должна быть упускаема изъ виду общая цѣль и назначеніе надѣльнаго имущества—обезпеченіе быта крестьянской семьи: слѣдовательно, ни одинъ изъ членовъ двора не можетъ быть лишенъ домохозяиномъ права на пользованіе надѣльною землей въ долѣ, соразмѣрной потребностямъ всѣхъ членовъ двора и каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Надѣломъ, какъ обезпечительнымъ фондомъ, имѣютъ право владѣть и пользоваться всѣ члены двора, и потому нельзя признать цѣлесообразными единолично прини-

---

[1]) Сводъ закл., т. I, стр. 242—274.

[2]) Рѣш. гражд. 1894/88; рѣш. Общ. Собр. 1897/27.

[3]) Ст. 967, 1010, 1384 ч. 1 т. X.

маемыя хозяиномъ мѣры, направляемыя къ измѣненію назначенія надѣла. Сенатъ между тѣмъ допускаетъ отдачу надѣла со стороны домохозяина въ аренду, признавая въ такомъ его единоличномъ распоряженіи одно изъ проявленій его власти, какъ власти распорядителя надѣломъ [1]).

Съ этимъ взглядомъ нельзя согласиться: обезпеченіе членовъ двора надѣломъ заключается не въ томъ, что имъ принадлежитъ какое-то идеальное право на землю, а въ томъ, что всѣ они стоятъ въ непосредственномъ отношеніи къ землѣ; поэтому, лишать ихъ этого непосредственнаго отношенія къ надѣлу путемъ отдачи земли въ аренду постороннему лицу домохозяинъ не въ правѣ. Всякая единоличная мѣра домохозяина, направленная къ тому, чтобы прекратилось непосредственное отношеніе членовъ двора къ надѣлу, должна быть признана недѣйствительной. Распоряженія домохозяина надѣломъ ограничены положительными предписаніями закона и интересами членовъ двора. Если законодатель нашелъ нужнымъ запретить отдачу надѣльныхъ земель въ залогъ, то поводомъ къ этому ограниченію оборотоспособности надѣла является очевидно возможный результатъ залоговой сдѣлки въ видѣ отчужденія надѣла, лишенія членовъ двора ихъ непосредственнаго отношенія къ обезпечивающему ихъ фонду. Чтобы оставаться послѣдовательнымъ взгляду на надѣлъ, какъ на имущество, предназначенное къ обезпеченію быта всего двора, Сенату не слѣдовало бы признавать единолично заключаемые домохозяиномъ арендные договоры дѣйствительными. Права членовъ двора, не опредѣленныя въ законѣ, не находятъ яснаго опредѣленія и въ сенатскихъ рѣшеніяхъ. Но, слѣдуя направленію этихъ рѣшеній и согласно съ заключеніями большинства губернскихъ совѣщаній, касавшихся этого вопроса, слѣдовало бы опредѣлить, въ законѣ, въ чемъ именно должны проявляться правомочія отдѣльныхъ членовъ двора на надѣльную землю. Что каждый изъ членовъ двора не можетъ вмѣшиваться въ распоряженія главы двора, касающіяся внутренняго распорядка крестьянскаго хозяйства на надѣль-

---

[1]) Рѣш. Общ. Собр. 1892/41, 1895/45, 1897/64.

ной землѣ, это уже вытекаетъ изъ тѣхъ неограниченныхъ правомочій домохозяина, какія признаются за нимъ по закону и ближайшимъ образомъ опредѣлены сенатской практикой. Членамъ двора не можетъ быть предоставлено право поступаться своею долею участія въ пользованіи надѣломъ въ интересахъ посторонняго лица, безъ согласія домохозяина, а тѣмъ менѣе еще принимать на свою долю безъ согласія главы двора новыхъ членовъ. Принятіе новаго члена во дворъ составляетъ исключительную прерогативу власти домохозяина. Права членовъ двора могутъ проявиться лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда принимаемыя домохозяиномъ отъ лица двора мѣропріятія подрываютъ самую цѣль существованія надѣловъ, т. е. въ случаяхъ постояннаго или даже временнаго отчужденія надѣла. Законъ 14 декбря 1893 года не устраняетъ вовсе возможности отчужденія надѣла; домохозяину предоставлено, хотя и ограниченное, право отчуждать надѣлъ въ кругу лицъ, принадлежащихъ къ тому же обществу.

Очевидно, съ такимъ взглядомъ законодателя трудно примирить взгляды сенатской практики, усматривающей въ домохозяинѣ только представителя коллективнаго субъекта. Законъ 14 декабря 1893 года хотя и представляетъ собою крупный шагъ въ области крестьянскаго землевладѣнія, на пути, намѣченномъ сенатскими рѣшеніями, но онъ далекъ еще отъ разрѣшенія той задачи, которую, согласно съ требованіями дѣйствительности, призналъ Сенатъ, находя лишь слабую опору въ текстѣ крестьянскихъ положеній. Пока домохозяинъ не лишенъ права по единоличному своему усмотрѣнію отчуждать надѣлъ, до тѣхъ поръ интересы членовъ двора не могутъ быть признаны обезпеченными. Нѣкоторыя губернскія совѣщанія признаютъ желательнымъ допускать отчужденіе надѣла не иначе, какъ съ согласія всѣхъ взрослыхъ членовъ двора [1]); по мнѣнію другихъ [2]), задача обезпеченія двора будетъ разрѣшена лишь

---

[1]) Губ. совѣщ.: Витебское—Св. закл. III, 343, Вятское, ibid., 345, Курское, ibid., 347, Могилевское, ibid., 348, Пензенское, ibid., 351, Рязанское, ibid., 354, Черниговское, ibid., 357, Ярославское, ibid., 357.

[2]) Тамбовское, ibid., 355.

въ случаѣ признанія надѣла вовсе неподлежащимъ отчужденію; многія совѣщанія высказались за предоставленіе членамъ двора права выкупа [1]), а Нижегородское совѣщаніе, то самое, которое опасается превращенія двора въ коммуну, требуетъ признанія за надѣломъ характера родоваго имущества [2]). Во всякомъ случаѣ, если и желательно сохранить отчуждаемость надѣла, то въ этомъ важномъ актѣ должны принимать участіе всѣ члены двора, съ установленіемъ возможныхъ гарантій, обезпечивающихъ интересы малолѣтнихъ. Согласіе всѣхъ членовъ двора должно быть и необходимымъ условіемъ дѣйствительности арендныхъ договоровъ на надѣльную землю, отдаваемую постороннимъ лицамъ. Опасаться разрушенія авторитета власти домохозяина едва-ли основательно. Предлагаемыя ограниченія направлены къ устраненію возможности отчужденія надѣла по единоличному усмотрѣнію домохозяина, но они не создаютъ права членовъ двора требовать отчужденія земли: юридическимъ представителемъ двора остается все-же домохозяинъ, и безъ его воли надѣлъ не можетъ быть отчужденъ; несогласіе меньшинства работоспособныхъ совершеннолѣтнихъ членовъ двора съ рѣшеніемъ большинства, къ которому принадлежитъ и домохозяинъ, не должно парализовать отчужденія, съ тѣмъ однакожъ, чтобы члены меньшинства не были принуждаемы покинуть надѣлъ: въ строѣ рабочаго союза эти остающіеся члены прежняго двора могли бы сохранить за собою ту долю участія въ пользованіи надѣломъ, какая принадлежала имъ и до удаленія большинства членовъ прежняго состава двора.

Взаимное ограниченіе правъ членовъ двора на надѣлъ имѣетъ еще одно чрезвычайно важное послѣдствіе, а именно: смерть домохозяина или иного члена двора не открываетъ права наслѣдованія въ надѣльномъ имуществѣ. Выбытіе одного

---

[1]) Вологодское, ibid., 344, Минское, ibid., 348, Могилевское, ibid., 349, Нижегородское, ibid., 349, Черниговское, ibid., 357.

[2]) Требованіе Нижегородскаго совѣщанія нѣсколько смѣлое. Вся сенатская практика по крестьянскимъ дѣламъ клонится именно къ тому, что начало кровнаго родства въ имущ. отношеніяхъ по надѣлу не имѣетъ значенія. И развѣ для выкупа нужно непремѣнно родовое происхожденіе имущества?

изъ членовъ рабочей семьи приводитъ лишь къ тому, что освободившаяся доля участія въ пользованіи землею прирастаетъ къ долямъ участія прочихъ членовъ, между которыми она и будетъ распредѣлена по усмотрѣнію домохозяина; это явленіе какъ разъ обратное тому, когда во дворъ вступаетъ новый членъ, вслѣдствіе чего всѣ остальные наличные члены, по усмотрѣнію домохозяина, должны потѣсниться, чтобы дать мѣсто пришельцу. За личные долги какого бы то ни было изъ членовъ двора надѣльная земля не отвѣчаетъ; долги же, касающіеся всѣхъ членовъ двора, какъ таковыхъ, не подвергнутся объективному измѣненію вслѣдствіе перемѣны, происшедшей въ средѣ коллективнаго должника, какимъ является дворъ. Правда, такой конструкціи преемства въ правахъ на надѣлъ повидимому противорѣчитъ ст. 38 общ. пол., гласящая, что „въ порядкѣ *наслѣдованія* имуществомъ крестьянамъ дозволяется руководствоваться мѣстными своими обычаями“, и ст. 153 п. 2 устава о пошл., по силѣ которой „отъ оплаты пошлиною освобождаются—2) земли, отведенныя въ надѣлъ лицамъ сельскаго состоянія, вмѣстѣ съ находящимися на сихъ земляхъ крестьянскими домами, хозяйственными строеніями и принадлежностями домашняго хозяйства крестьянъ, когда имущества сіи переходятъ къ лицамъ того же состоянія“. Но противорѣчіе это только видимое. Прежде всего ст. 38 общ. пол. не говоритъ спеціально о надѣльной землѣ, а говоритъ вообще о крестьянскомъ имуществѣ; крестьяне же, кромѣ надѣла, согласно ст. 33 общ. пол., могутъ имѣть недвижимыя имущества, пріобрѣтаемыя ими въ общемъ порядкѣ; что же касается ст. 153 уст. о пошл., то она относится не исключительно къ наслѣдованію, но и къ другимъ безмезднымъ способамъ пріобрѣтенія. Первоначально вѣдь имѣлось же въ виду предоставить крестьянамъ на надѣлъ право собственности; и эта первоначальная цѣль, какъ уже было показано, путемъ толкованій сенатской практики, а затѣмъ и законодательными актами, была измѣнена. Едва-ли поэтому можно встрѣтить препятствія къ отрицанію наслѣдственнаго преемства въ правахъ на надѣлъ: главное основаніе наслѣдственнаго преемства—кровная связь

между наслѣдодателемъ и наслѣдникомъ—игнорируется сенатской практикой въ области имущественныхъ отношеній между членами крестьянской семьи; и такъ какъ на мѣсто связи кровной, естественной поставлена въ ученіи Сената связь юридическая, то было бы вполнѣ послѣдовательно признать, что права на надѣльную землю вовсе не подлежатъ наслѣдованію въ обычномъ смыслѣ этого юридическаго термина. Относительно возможности завѣщательнаго преемства въ правахъ на надѣлъ Сенатъ уже высказался въ отрицательномъ смыслѣ [1]), хотя приводимые для обоснованія этого взгляда мотивы и не могутъ быть съ теоретической точки зрѣнія признаны правильными: именно, отрицая возможность завѣщаній относительно надѣльныхъ имуществъ, Сенатъ прибѣгаетъ къ безусловно неправильной конструкціи двора, какъ юридическаго лица. Для того, чтобы прійти къ выводу о незавѣщаемости надѣльныхъ земель, вовсе не было надобности прибѣгать къ искусственной и явно неправильной квалификаціи двора, какъ юридическаго лица: достаточно матеріала для отрицательнаго вывода о завѣщаемости надѣла даютъ и крестьянскія положенія въ связи съ соотвѣтствующими статьями 1 ч. X. т., и прежнія рѣшенія Сената, цѣлесообразность коихъ засвидѣтельствована духомъ закона 14 ноября 1893 года.

Резюмируя все сказанное о правахъ на надѣлъ, на основаніи скудныхъ указаній закона, рѣшеній Правительствующаго Сената и выводовъ изъ этихъ рѣшеній, возможно установить слѣдующія положенія:

1. Крестьянскимъ надѣломъ именуется недвижимость, состоящая изъ усадебной осѣдлости и полевыхъ угодій, не подлежащая раздѣлу.

---

[1]) Рѣш. Общ. Собр. 1897 г. 27. „Организація двора, *какъ лица юридическаго*, хотя прямо въ законѣ не опредѣлена, но по отдѣльнымъ указаніямъ, имѣющимся въ законѣ, выяснена, въ порядкѣ поясненія законовъ, рѣшеніями Правит. Сен Разъ же земли крестьянскаго надѣла находятся во владѣніи лицъ юридическихъ, онѣ уже въ силу природы такихъ лицъ завѣщанію подлежать не могутъ“.

2. Крестьянскій надѣлъ принадлежитъ двору, состоящему изъ домохозяина и членовъ.

3. Домохозяиномъ является тотъ членъ двора, который несетъ отвѣтственность за отбываніе повинностей и уплату сборовъ.

4. Членами двора признаются: а) лица, внесенныя въ посемейный списокъ, доколѣ не доказано, что прочная, постоянная ихъ связь съ дворомъ уже прекратилась, и б) лица, хотя и не значащіяся въ посемейномъ спискѣ, но принятыя во дворъ съ согласія домохозяна.

5. Никто не можетъ быть одновременно членомъ двухъ или болѣе дворовъ.

6. Малолѣтніе признаются членами того двора, къ составу коего принадлежатъ ихъ родители. Возможно, впрочемъ, возвращеніе малолѣтнихъ на надѣлъ того двора, изъ котораго они вышли вмѣстѣ съ родителями, если такое возвращеніе будетъ предметомъ особаго соглашенія между ихъ родителями и домохозяиномъ перваго двора.

7. Всѣ члены двора имѣютъ право на участіе въ пользованіи надѣломъ.

8. Доля участія каждаго изъ членовъ двора въ пользованіи надѣломъ, какъ и порядокъ веденія хозяйства опредѣляются домохозяиномъ по его усмотрѣнію, съ равномѣрнымъ однако по возможности обезпеченіемъ интересовъ всѣхъ членовъ, и безъ права измѣнять характеръ эксплоатаціи и назначеніе надѣльной земли.

9. Надѣлы, за исключеніемъ случая переселенія всѣхъ членовъ двора, неотчуждаемы и не могутъ быть отдаваемы въ залогъ.

10. Отчужденіе надѣла и сдача въ аренду возможны не иначе, какъ съ согласія всѣхъ совершеннолѣтнихъ и трудоспособныхъ членовъ двора.

11. Право на надѣлъ не подлежитъ завѣщательнымъ распоряженіямъ.

12. Надѣльныя земли не подлежатъ наслѣдственному преемству въ общемъ порядкѣ законовъ гражданскихъ; за

смертью одного изъ членовъ его право распредѣляется между пережившими членами двора, по усмотрѣнію домохозяина.

Положенія эти частью основаны на текстѣ сенатскихъ рѣшеній, частью представляютъ дальнѣйшіе выводы изъ тезисовъ сенатской практики; связь ихъ съ правилами крестьянскихъ положеній представляется очень слабой.

Въ германскомъ правѣ начало der gesammten Hand въ области крестьянскаго землевладѣнія характеризуется Heusler'омъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Принципъ der gesammten Hand съ точки зрѣнія проявленія этого начала въ распоряженіи недвижимымъ имуществомъ сообщества (Gemeinderschaft) можетъ быть выраженъ такъ: ни одинъ изъ общниковъ (членовъ-Gemeinder) самъ по себѣ не въ правѣ распорядиться ни цѣлымъ, ни частью общаго имущества: только всѣ общники могутъ распоряжаться цѣлымъ имуществомъ или отдѣльною его частью„ [1]).

„Имущество, оставшееся послѣ умершаго члена, поскольку таковое заключается въ долѣ пользованія общимъ имуществомъ, не выходитъ за предѣлы сообщества, но остается въ своемъ прежнемъ связанномъ положеніи и достается тѣмъ, которые остаются въ сообществѣ [2])... При общемъ надѣленіи недвижимостью (Gesammtbelehung) съ особенной ясностью обнаруживается принципъ приращенія: каждый отдѣльный членъ имѣетъ, собственно говоря, право на все имущество, и хотя въ виду правомочія многихъ лицъ по необходимости возникаютъ части, но съ отпаденіемъ одного изъ управомоченныхъ право остальныхъ освобождается отъ стѣсненія, и право пережившаго всѣхъ превращается въ вполнѣ свободное право“ [3]).

„Принципъ—только всѣ общники совмѣстно могутъ распоряжаться цѣлымъ имуществомъ или отдѣльною его частью—касается только оборота съ недвижимостью, внутреннее управленіе и представляющій составную часть управленія оборотъ

---

[1]) Heusler, Institutionen, I, 236.
[2]) Ibid., S. 242.
[3]) Ibid., S. 243.

съ движимостью не затронуты этимъ принципомъ. Невозможно требовать совмѣстной дѣятельности всѣхъ членовъ для каждой сдѣлки повседневной жизни.... Отецъ является безспорнымъ главою дома, и если, что касается отчужденія и обремененій недвижимости, онъ вполнѣ связанъ началомъ der gesammten Hand со стороны сыновей, то онъ неограниченно распоряжается въ домѣ находящеюся въ немъ движимостью, устанавливаетъ родъ хозяйства, заключаетъ обязательства, дѣйствуетъ за имущество въ процессахъ, однимъ словомъ, онъ есть единственный представитель имущества, за исключеніемъ права распоряженія недвижимостью" [1]....

Совпаденіе основныхъ идей сенатской практики съ проявленіями начала der gesammten Hand въ области между прочимъ и крестьянскаго германскаго права не подлежитъ сомнѣнію. Если это совпаденіе представляется результатомъ заимствованія и примѣненія готовыхъ юридическихъ идей германскаго права къ правоотношеніямъ нашихъ крестьянъ въ области надѣльнаго землевладѣнія, то въ такомъ заимствованіи менѣе всего можно усмотрѣть нѣчто обидное для развитія нашего крестьянскаго права: юридическія идеи, каково бы ни было ихъ происхожденіе, способны стать общимъ достояніемъ всѣхъ народовъ, если только имѣются налицо тѣ условія, при наличности коихъ заимствованная идея способна къ осуществленію и примѣненію въ жизни. Если же проходящія красною нитью чрезъ рѣшенія Сената своеобразныя начала представляются только случайнымъ совпаденіемъ съ германскимъ принципомъ der gesammten Hand, то это показываетъ, что наше крестьянское право находится въ той же стадіи развитія, въ какой сравнительно еще недавно находилось и крестьянское право въ Германіи.

Въ эпоху освобожденія крестьянъ, въ пылу увлеченія грандіозной задачей, не думали о деталяхъ крестьянскаго вопроса; казалось, что вчерашній рабъ, стоитъ его только объявить свободнымъ отъ зависимости отъ помѣщика, станетъ полноправнымъ субъектомъ гражданскаго права. Опытъ цѣлаго

---

[1]) Heusler, I, S. 245.

поколѣнія обнаружилъ преувеличенность такихъ ожиданій. Рѣшенія Правительствующаго Сената повернули развитіе крестьянскаго права въ то русло, по которому протекало крестьянское землевладѣніе и у другихъ народовъ, прежде чѣмъ вылиться въ широкое море общегражданскаго оборота.

Повидимому, развитіе правовыхъ институтовъ, какъ и natura—saltus non facit.

Теперь въ правительственныхъ сферахъ выдвигается на видное мѣсто вопросъ объ урегулированіи крестьянскаго землевладѣнія. Въ какомъ направленіи пойдутъ законодательныя работы и къ какому окончательному результату приведутъ онѣ? Опытъ цѣлаго поколѣнія диктуетъ отвѣтъ на поставленный вопросъ. Тѣ соображенія, которыя въ свое время приводились противъ учрежденія сельской общины Гакстгаузеномъ, сохраняютъ свою полную силу и по отношенію къ крестьянскому двору, который представляетъ собою также общину въ миніатюрѣ. Вотъ что писалъ Гакстгаузенъ [1]) въ 1866 году: „Вся западная Европа болѣетъ отъ пауперизма и пролетаріата, которые являются если не причиной, то важнѣйшими факторами всѣхъ революцій. Европа находится подъ угрозой посягательствъ на принципъ собственности, проникнутый началомъ summum jus—summa injuria, откуда съ необходимостью должно было развиться неравномѣрное распредѣленіе земли. Россія доселѣ не знаетъ этого зла. Каждый русскій принадлежитъ къ общинѣ и имѣетъ въ ней равное право на землю и на пользованіе ею. Лично онъ можетъ, благодаря несчастью, преступленію и т. п., обѣднѣть, но дѣти его имѣютъ опять равныя съ прочими права на землю въ общинѣ. Покамѣстъ существуетъ такой строй, въ Россіи не можетъ возникнуть и развиться наслѣдственный пролетаріатъ.... По упраздненіи крѣпостной зависимости, когда крестьяне надѣлены будутъ землею, когда земля будетъ распредѣлена между ними окончательно и станетъ безусловною частною собственностью каждаго, когда

---

[1]) Aug. Freiherr von Haxthausen—Die ländliche Verfassung Russlands, 1866, S. 420—423.

такимъ образомъ разрушенъ будетъ принципъ русской общины, то, разъ не будутъ приняты предупредительныя мѣры, каковы будутъ послѣдствія этихъ явленій? Пройдутъ нѣсколько поколѣній—и крестьянинъ будетъ обезземеленъ: земля уйдетъ отъ него, и соціальныя условія въ Россіи станутъ безконечно хуже, опаснѣе и печальнѣе, чѣмъ каковы они были во время крѣпостнаго права".

Пусть крестьянская община, къ которой собственно и относятся приведенныя слова Гакстгаузена, имѣетъ и крупные недостатки, но въ предѣлахъ миніатюрной общины—двора—недостатки эти не могутъ проявляться такъ рѣзко, какъ въ общинѣ деревенской: размѣръ подворныхъ участковъ и строй отношеній между членами двора парализуютъ тѣ неудобства, которыя неизбѣжны при общности владѣнія; между тѣмъ относительная обезпеченность всѣхъ членовъ двора, въ видѣ непосредственной связи ихъ съ землею, составляетъ положительную величину, съ избыткомъ покрывающую недостатки совмѣстнаго владѣнія и пользованія. Обезпеченіе крестьянъ землею и мыслимо только при той конструкціи, что надѣлъ составляетъ не единоличное достояніе домохозяина, а представляетъ объектъ права коллективнаго субъекта — всѣхъ членовъ крестьянскаго двора.
